

ОРЛОВ

генерал-майор, состоящий по армии

На 55 листах

№ 1

О П И С Ъ

делу генерал-майора Орлова²

Число бумаг	Страницы
Два письма Орлова к государю императору на французском языке.	12
1. Объяснение Орлова государю императору на французском языке 29 декабря 1825	1 и 8
2. Выписка из журнала Комитета 30 декабря	9
3. Записка Орлова на французском языке	10
4. Показание Орлова на русском языке от 4 января 1826	11 и 27
5. Дополнительное показание от 10 января	28 и 29
6. Дополнение к поданному 10 января	30 и 31
7. Донесение Орлова Комитету 13 января	32 и 33
8. Вопросный пункт Комитета генерал-майору Орлову 2 марта с ответом его	34
9. Таковой же 21 марта с ответом его	35
10. Формулярный список генерал-майора Орлова	36 и 39 // (л. 1 об.)
11. Показание на генерал-майора Орлова	40 и 41
12. Показания о разговоре Муханова	42 и 43
13. Записка из дела о генерал-майоре Орлове	44 и 49
14. Отпуск записи к действительному статскому советнику Наинскому от 3 января	50
15. Ответ его	51
Белые листы	52 и 55
	8-го класса Карасевский // (л. 41)

¹ Вверху листа помета карандашом «№ 83».² Слова «Два письма Орлова... на французском языке ...» написаны другим почерком.

Формулярный список о службе и достоинстве
Выписана из списка, представленного

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния и буде из дворян, то не имеет ли крестьян и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произведениям находился			
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы	Числа
Генерал-майор Михаило Федоров сын Орлов 1-й. Орд[енов] Св[ято-го] Равноапостоль-ного кн[язя] Владимира 3-й ст[епени], Св[ято-го] Великом[ученика] и Победонос[ца] Георгия 4-го кл[асса], Свя[той] Анны 4-й и 2-й ст[епеней], алма-зами украшеными, Датского Даненброка 1-й ст[епени], Австрий-ского Леопольда 2-й ст[епени], Пруссского воен-ного «За достоин-ство» кавалер. Имеет серебряную медаль в память 1812 года	29	Из дворян	В службу вступил юнкером	[1]801	Ав[густа]	27	В Коллегию иностранных дел. Из оной переведен в Кавалер-гардский полк эстан-дарт-юнке-ром	[1]805	Июля	15

состоящего по армии генерал-майора Орлова 1-го
им 1817 года // (л. 41об.-43об.)

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить

1805-го года находился в походе противу французов и в сражении при Аустерлице 20-го ноября. 1806-го и 1807-го в походе против французов и в действительных сражениях 24-го и 25-го числе мая [при] Гутштадте и на реке Посарже. 29-го при Геннесбрге и 2-го июня при Фридлянде. 1812-го года употреблен был при 1-й Западной армии и находился в сражении августа 4-го и 5-го при [городе] Смоленске, того же августа 24-го и 26-го чисел при селе Бородине начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорожова, при взятии города Верии сентября 29-го, октября 11-го при Малоярославце, ноября 4-го, 5-го и 6-го чисел под городом Красным, откуда был послан с легким отрядом для открытия сообщения с армией г[осподина] адмирала Чичагова, что исполнил, прошедши сквозь неприятеля, и соединился с Молдавскою армию во время нападения французов на оную. 1813-го года был послан партизаном из Калища, прошел через Эльбу в виду неприятеля, которого принудил оставить Дрезден и очистить все пространство между Эльбою и Салою. Находился в сражениях апреля 20-го при [городе] Лющине, в арьергардных делах при городе Ландгейне. И по сим и других, где комнадовал правым крылом арьергардного корпуса генерал-лейтенанта Мелисано, защищал переправу через Эльбу при селении Прижице, потом до самого перемирия состоял в партизанском отряде левого фланга, с коим был во всечастных делах и в общем сражении мая 8 и 9 чисел при [городе] Бауцине, после перемирия был назначен к генералу Моро, при коем находился до его смерти, потом поступил в отряд генерал-лейтенанта Тилемана, под начальством коего после упорной защиты овладел [городом] Мерзебургом и участвовал в поражении неприятеля при Алтенбурге, октября 4-го, 5-го и 6-го числа при городе Лейпциге. Потом, поступивши в команду генерал-лейтенанта графа Орлова-Денисова, при Гелленгаузен взял две пушки и 800 человек в плен. 1814-го, исправляя должность флигель-адъютанта, находился в сражениях при городах Труа

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда

Холост или женат, и имеет ли детей

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится

Российской грамоте читать и писать умеет
По высочайшему приказу уволен был в отпуск с 20-го мая 1808 года до излечения болезни и 20 ноября 1810 года на 4 ме[сяца]

Не бывал

Холост

Состоит в армии

К повышению достоин или зачем именно не атtestуется

Атtestовался достойным

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния и буде из дворян, то не имеет ли крестьян и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произведением находился			
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы	Числа
		За точное и успешное исполнение данного ему поручения произведен из поручиков в ротмистры	[1]812	Дек[аб-ря]	2					
		За отличие, оказанное в действии против неприятеля произведен полковником	[1]813	Мар-[та]	25		В том же полку и с оставлением в прежнем звании флигель-адъютанта			
		За отличие против неприятеля произведен в генерал-майоры	[1]814	Апр[е-ля]	2	Отчислен и велено состоять по кавалерии в Свите его императорского величества	[1]814	Апр[е-ля]	2	
						Назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса	[1]817	Июня	13	
						Назначен начальником 16-й пехотной дивизии	[1]820	Июня	3	
						Велено состоять по армии	[1]823	Апр[е-ля]	18	

<p>Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить</p>	<p>Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли</p>	<p>В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок</p>	<p>В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда</p>	<p>Холост или женат, и имеет ли детей</p>	<p>В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится</p>	<p>К повышению достоин или засчет именно не attestуется</p>
<p>20 февраля и при Арсисе 9-го марта, при [городе] Париже 18-го марта, того же числа заключил договор о сдаче сей столицы Французской империи союзным войскам. Потом был употреблен по дипломатической части для размены в Фонтенбло ратификации тракта[та] об отвержении Наполеоном французского престола и был послан в Норвегию для окончательных переговоров с Данией. 1815 года находился в походе противу французов в должности начальника штаба 7-го пехотного корпуса, чем и оставался до 3-го сентября того же года</p>						

Подлинный подписал: генерал-адъютант князь Волконский 2-й
С подлинным верно: 6-го класса Собореский // (л. 2)

Всемилостивейший государь!

Декабря 21-го числа в 7 часов пополудни по повелению вашего императорского величества я был арестован, и все мои бумаги были запечатаны.

Должен согласиться, что в нынешних неожиданных обстоятельствах, где осторожность должна быть первым правилом правительства, сия мера, сколь ни жестока для моего сердца, есть мера столь же мудрая, сколь необходимая. Я знаю, государь, что давно нахожусь в сомнительном состоянии, но знаю также, что все подозрения, павшие на меня, суть последствия обстоятельств, а не моей виновности. // (л. 2 об.)

Еще в 1816 году, когда приехал я из чужих краев, полагали, что я во Франции устроил связь с тамошними возмутителями. Но опыт доказал, что я не веду и не вел никакой переписки и другого друга, кроме брата моего, в чужих краях не имею.

Во время командования моего 16-ю пехотною дивизией все мои дела, все мои переписки, все мои партикулярные и служебные бумаги оставались в руках моих обвинителей. Что ж из сего вышло? Клевета осталась клеветою, и ежели я лишен тогда начальства, другому не могу приписать, как тому только, что не хотели уронить заслуг человека, меня обвиняющего, но служившего более и, может быть, лучше меня.

Думали, что отделен будучи от военной деятельности, которая много отнимала у меня времени, я опять и еще ревностнее коснулся до политических предметов но сии четыре года я обратил на совсем другое занятие и предался изучению естественных наук. Во все сие время я был ни что другое, как хозяин, супруг и отец.

Полагали, что посредством масонических обществ я имею большое влияние над всеми Вольными Каменщиками. Но даже и имени моего в списках не нашли.

Думали, что моя связь с графом Мамоновым была основана на политических замыслах. Граф Мамонов сошел с ума; бумаги, книги, записки его // (л. 3) в руках правительства, и я остался чужд от всяких нареканий.

Наконец, в Петербурге готовятся ужасные происшествия, бунт, кровопролитие, начало общего переворота. А я живу здесь в Москве, ничего не знаю, ни с кем переписки не веду, редко езжу в собрания, малость к себе принимаю, занимаюсь собственными делами и воспитанием сына. Государь! Можно во многом мне упрекать, но не в трусости, ниже в подлости. Ежели б я был заговорщиком, я был бы там, где заговор исполняется.

Но, государь, извините сии, может быть, слишком дерзновенные слова. Я обижен, арестован, мои бумаги запечатаны, над головой моей летает подозрение, будущность моя вся испорчена, и даже сама честь моя страждет. Позволено ли мне теперь, по крайней мере, надеяться, что ежели этот раз все обвинения падут в ничтожность пред престолом вашего императорского величества, то выйду, наконец, совершенно чистым не только перед буквою закона, но также и перед совестью судьи?

Ежели таковой должен быть конец моего дела, то благословляю ту минуту строгости, в которую вы, государь, повелели лишить меня свободы впредь до совершенного моего оправдания. // (л. 3 об.)

Всемилостивейший государь!

Я не виновен ни самым делом, ни домыслом, ни ведением дела, ни перепискою: словом, ничем.

Может быть, кто-нибудь в сем горестном происшествии употребил во зло имя мое, но те, кои считали на возмущение целой гвардии твоей, могли также считать и на мое содействие. Гвардия осталась тебе верною, и я также не могу отвечать за дерзновенное посягательство на честь мою и верность моей присяги.

¹ Вверху листа пометы чернилами: «№ 87», «Пол[учено] 26 декабря». Слева на полях вертикальная помета чернилами: «Доложить присутствию. Докл[ад] 26-го, положено иметь в виду при допросах».

Судите меня, государь, но благоволите вспомнить, что день торжества для невинности есть также день торжественный и для судии.

Вашего императорского величества
всемилостивейшего государя¹
верноподданный Михаил Орлов²

Сего 22³ декабря 1825
город Москва // (л. 4)

№ 4 (0)⁴

Sire!

Les paroles flatteuses que Votre Majesté a daigné m'adresser au post-criptum de la lettre de mon frère; celles qui sont sorties de Votre bouche au moment où j'ai eu le bonheur d'être reçu dans Votre Cabinet, le sentiment surtout de mon innocence dans l'affaire dont il s'agit, avaient rempli mon cœur d'émotion et d'espérance. Avant même que Votre Majesté eût enhardi ma confiance, j'étais disposé déjà à la plus entière franchise. Mais la présence d'un tiers, quelqu'estime per//(л. 4 об.)sonnelle que je lui porte d'ailleurs, a⁵ glacé mon cœur. Je n'ai pas pu parler avec abondance, avec effusion comme je l'aurais fait si j'avais eu le bonheur d'obtenir⁶ un entretien particulier avec Votre Majesté. Cette plume, toujours en arrêt, enchainait ma langue.

Sire, je vous demande de m'accorder un entretien tête à tête. Je dirai tout ce que je sais, mais je ne crois pas que ma confidence soit bien importante par elle-même; car, je le répète, j'ai été loin de la confiance de ces Messieurs et si quelques idées se sont là-dessus classées dans ma tête, je le dois moins à des révélations qu'à ma propre combinaison. Après cet entretien dans lequel Votre Majesté fixera elle-même les sujets dont je devrai m'occuper, je rédigerai les [...]⁷ qui me seront dressées avec toute l'exactitude que ma mémoire me permettra d'y mettre. Je remettrai ce factum entre les mains de Votre Majesté et Vous pourra⁸ y lire la vérité tout entière.

Une autre considération qui a contribué à ôter à l'entretien que Votre Majesté a daigné m'accorder son degré d'efficacité, c'est que j'étais préparé à répondre sur une chose et j'ai été interrogé sur une autre. J'avais cru qu'accusé par de fausses révélations, j'aurais été obligé de défendre mon honneur // (л. 5) contre⁹ elles, et à établir la conviction matérielle et morale chez Votre Majesté de mon innocence, avant toute autre discussion, et que cette¹⁰ conviction une fois établie, rendu à la liberté de penser, de parler et d'agir, j'aurais été plutôt consulté qu'interrogé sur la masse de l'affaire. C'était là le point important pour moi et je me proposais alors, dans une suite de conversations confidentielles de jeter sur toute la masse de l'affaire le jour qui m'était connu. Les choses ont tourné autrement.

Avant de parler encore¹¹ j'ai été assez heureux pour entendre proclamer mon innocence de Votre propre bouche. Cette confiance de Votre Majesté que je dois en grande partie à Votre bonté et en partie aux révélations du jour que vous aviez déjà reçues, m'a pénétré de reconnaissance. Mais quand j'ai commencé une [...]¹² que Votre Majesté ne m'avait pas demandée et que je voulais faire d'abondance, j'ai été sommé d'articuler des noms propres. Ici c'est réveillé en moi une horreur involontaire pour de semblables dénonciations. Il m'a semblé que parlant sur une question toute neuve et élévée pour moi, voulant donner des détails qui ne m'étaient pas demandés, on aurait pu me pardonner mon silence, d'autant mieux que tous les

¹ Слова «всемилостивейшего государя» написаны другими чернилами.

² Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

³ Дата написана другими чернилами.

⁴ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] первая», «12».

⁵ Слово «а» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁶ Слово «d'obtenir» вписано над строкой.

⁷ Слово неразборчиво.

⁸ Слово неразборчиво; наиболее вероятная расшифровка.

⁹ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] вторая», «12».

¹⁰ Слово залито чернилами; наиболее вероятная расшифровка.

¹¹ Слово «encore» вписано над строкой.

¹² Слово неразборчиво.

fils étant dans Vos mains, l'explication viendra vérifier d'elle-même¹ et servir de complément à mon discour. // (л. 5 об.)

Encore si Votre Majesté m'avait ordonné préemptoirement de citer le nom, je l'aurais fait; mais Elle-même m'a donné le choix de dire ou de le taire. Ce да или нет² prononcé par Votre Majesté m'a fait croire que je pouvais choisir entre l'articulation du nom et le silence. Je me suis tu.

Je ne pouvais m'imaginer que le silence entraînerait le courroux de Votre Majesté, et que de ce fait seul je serais, moi, proclamé par Votre bouche même innocent un moment plus tôt, moi, dis-je, je serais écrouté dans une vile prison.

Cette prison n'est pas pour moi la chose la plus importante. Si j'avais observé des doutes sur mon innocence, j'aurais demandé moi-même d'être conduit en prison jusqu'au parfait éclaircissement de mon affaire. Je le disais encore hier matin de conviction à mon frère que vous pouvez interroger. Mais le courroux de Votre Majesté, mais le sentiment de l'humiliation, mais la défense de correspondre avec une femme que j'adore et à qui je ne sais comment annoncer mon malheur, tout cela se réunit pour m'obliger impérieusement de vous adresser cette requête. [...]³, Sire, l'avoir pour agréable. Veuillez m'accorder un entretien particulier. C'est là, Sire, pourquoi j'ai osé deux fois inquiéter⁴ Votre Majesté par le général Lewaschoff.

J'ai l'honneur de me dire et d'être bien [... ...]⁵
de Votre Majesté le sujet fidèle Michel Orloff⁶

Le 29 Décembre 1825 // (л. 6)

Перевод

Государь!

Лестные слова, которыми ваше величество удостоили меня в приписке на мое имя в письме моего брата, слова, произнесенные вами, когда я имел счастье быть принятным в вашем кабинете, главным же образом, чувство моей невиновности в деле, о котором идет речь, — все это взволновало мое сердце и преисполнило меня надеждами. Еще до того, как ваше величество расположили меня к доверию, я был готов к самой полной откровенности. Но присутствие третьего лица, хотя я и отношусь к нему лично с полным уважением, сковало меня. Я не мог говорить с той непринужденностью и откровенностью, которая была бы возможна, если бы вы, ваше величество, удостоили меня частной беседы. Это перо, что постоянно было наготове, связывало мой язык.

Государь, я прошу вас удостоить меня личной беседы. Я расскажу все, что знаю, но не думаю, чтобы мои признания были бы сами по себе очень существенными, так как, повторяю, я вовсе не пользовался доверием со стороны этих господ, и если у меня в голове имеются кое-какие соображения относительно всего дела, то я обязан этим не столько их откровенности, сколько моим собственным выводам. После беседы, во время которой ваше величество сами наметите пункты, которых я должен буду держаться, я напишу [...] и постараюсь быть точным, насколько мне позволит моя память. Я вручу этот документ в руки вашего величества, и вы сможете прочесть в нем всю правду.

Еще одно обстоятельство сделало безрезультатной беседу, которой удостоили меня ваше величество: дело в том, что я приготовился отвечать на одно, а спросили меня о другом. Я полагал, что, поскольку меня обвиняют на основании ложных показаний, мне придется защищать свою честь и предоставить вашему величеству до всяких других разговоров фактические и моральные доказательства моей невиновности и что, как только такие доказательства были бы представлены, я мог бы свободно думать, говорить и поступать, и меня бы не столько допрашивали обо всем этом деле, сколько осведомлялись бы о нем. Это было для меня самым су-

¹ Слова «d'elle-même» вписаны над строкой.

² Далее зачеркнуто одно слово.

³ Слово неразборчиво.

⁴ Слово неразборчиво, наиболее вероятная расшифровка.

⁵ Два слова неразборчивы.

⁶ Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

щественным, и я предполагал потом в последующих конфиденциальных беседах рассказать об этом деле все, что мне известно. Однако обстоятельства обернулись иначе.

Еще до начала разговора я был счастлив услышать из ваших собственных уст заявление о моей невиновности. Такое доверие вашего величества, чему я обязан, по большей части, вашей доброте и, отчасти, тем показаниям, которыми вы в этот момент уже располагали, преисполнило меня чувством благодарности. Но когда я начал [...], чего ваше величество от меня не требовали и что я намеревался сделать с полной откровенностью, мне было приказано назвать имена. Тут во мне проснулся невольный ужас перед подобным доносительством. Мне казалось, что, поскольку вы затрагивали вопрос совсем новый и для меня неизвестный, а я желал остановиться на подробностях, о которых меня не спрашивали, то вы могли бы простить мне мое молчание, тем более, что поскольку все нити в ваших руках, вопрос разъяснится сам собою, став подтверждением и дополнением к моим речам.

Кроме того, если бы ваше величество мне решительно приказали назвать имя, я бы это сделал. Но вы мне сами предоставили выбор говорить или молчать. Это «да» или «нет», произнесенные вашим величеством, позволили мне думать, что я могу выбирать: назвать имя или молчать. Я ничего не сказал.

Я не предполагал, что молчание вызовет гнев вашего величества и что лишь по этой причине я, только что признанный вами (лично) невиновным, я, повторяю, буду брошен в позорную тюрьму.

Но не тюрьма для меня в данном случае самое важное. Если бы я сомневался в своей невиновности, я бы сам попросил, чтобы меня заключили в тюрьму до полного выяснения обстоятельств моего дела. Еще вчера утром я убежденно говорил об этом своему брату, о чем вы можете его спросить. Но гнев вашего величества, но чувство унижения, но запрещение переписываться с женщиной, которую я обожаю и которую не знаю, как известить о моем несчастье, — все это вместе взятое настоятельно заставляет меня обратиться к вам с этой просьбой. Государь, не отклоните ее. Соизвольте удостоить меня возможности переговорить с вами. Только по этой причине, государь, я осмелился дважды докучать вашему величеству через генерала Левашова.

Имею честь считать себя и быть самым [...] [...]
вашего величества покорным верноподданным
Михаил Орлов

29 декабря 1825

№ 5 (1)

Mémoire pour Sa Majesté Impériale

Pendant l'interrogatoire, j'ose dire amical, dont Votre Majesté a daigné m'honorer hier le 28 de Décembre, j'étais pénétré de reconnaissance, en entendant même avant toute explication ultérieure de ma part que votre majesté impériale me reconnaissait innocent des horreurs qui se sont commises à Pétersbourg. Votre Majesté voulait non seulement détourner de moi le mal, elle daignait même m'associer pour ainsi dire au bien qu'elle voulait faire. Je l'ai senti profondément aussi.

Mais au moment où elle exigeait de moi l'articulation d'un nom, une pensée rapide a poussé dans ma tête et paralysé ma langue. J'ai pensé qu'au moment même où je me libérais de tout soupçon, j'allais peut-être aggraver le sort d'un autre. Je laisse à décider à Votre Majesté, si une telle pensée pouvait être attribuée à un manque de confiance dans vous, ou si elle¹ partait de tout autre sentiment blâmable? Quoi qu'il en soit, la réflexion est venue m'éclairer après et j'ai senti même que dans ce que j'avais à dire, je ne chargeais personne, mais que je racontais simplement un fait. Recevez, sire, mes excuses si j'ai pu le moins du monde blesser votre dignité impériale², ou votre caractère personnel. Je n'en ai pas eu l'intention en aucune façon. // (л. 6 об.)

¹ Слово «elle» вписано над строкой.

² Слова «votre dignité impériale» подчеркнуты карандашом.

J'entre en matière d'après les ordres de Votre Majesté. Ce Mémoire est justificatif sous beaucoup de points de vue, mais il est aggravant sous beaucoup d'autres, surtout au commencement. Sire, c'est ainsi que je suis fait, Vous m'ordonnez de raconter ce que je sais des autres. Je m'expose le premier et sans restriction à votre courroux.

Je crois être le premier que aie conçu en Russie le plan d'une société secrète. C'était en 1814. J'étais tout pénétré alors de l'importance que le Tugend-Bund avait acquis en politique. D'un autre côté j'avais recueilli les paroles de l'empereur Alexandre, qui avait dit à Paris: «Les ennemis extérieurs sont abattus pour longtemps, allons combattre les ennemis intérieurs». C'est avec ces idées que je suis arrivé en Russie. Je voulais changer de carrière, abandonner l'épée et me lancer dans l'administration, où, Sire, comme vous le savez, vivent les Napoléons du brigandage intérieur. J'ai entretenu dans ce sens une correspondance avec le comte Mamonoff. Je l'engageais à entrer dans mes vues. Il me répondit que l'ennemi intérieur était plus fort que tous les ennemis extérieurs et qu'il désespérait du succès. Cependant entre nous quelques idées furent arrêtées alors.

Les événements de 1815 arrivèrent. L'érection du Royaume de Pologne, l'inutilité de ma démarche près de sa majesté alors régnante, pour m'opposer à cette érection, la persuasion qu'une société secrète (et elle existe)² existait en Pologne, pour travailler sourdement au rétablissement, les progrès // (л. 7) que [la cause]³ de la Pologne faisait dans l'esprit de sa majesté ou du moins semblait faire, car c'était le moment de la création du Corps de Lithuanie, toutes ces raisons réunies m'inspirèrent l'idée de joindre la résistance au système polonais⁴ à mes premières vues. Je travaillai en [...]⁵ en 1816 et une partie de 1817 de concert avec Mamonoff. Mais ce travail n'eut aucune suite et bientôt il fut entièrement abandonné par lui à cause de son voyage et de sa maladie et de moi par suite d'une découverte⁶ que je fis à cette époque.

J'appris alors qu'une société de jeunes gens, tous officiers aux Gardes ou presque tous, s'était réunie et, également épribe des succès du Tugend-Bund, travaillait dans ce sens. Je me rapprochai d'eux, sans m'associer⁷ avec eux. Novikoff* fut le seul qui entra en communication. C'était un des organisateurs. Bientôt la confiance s'établit et peu à peu je sus de quoi il était question. Leur Code, que je ne lis pourtant que quelques années après, était calqué sur Tugend-Bund. Toutes les opinions philanthropiques et libérales y étaient délayées dans un fatras indigeste, difficile à lire et plus difficile encore à comprendre. C'était lourd, ennuyeux et il n'y avait aucun stimulant pour l'esprit. Ce qu'on y trouvait on pouvait le trouver dans mille livres différents et mieux dit et mieux expliqué. Les jeunes gens qui composaient alors cette société, «Союз благоденствия», étaient encore mus par les seules idées libérales et aucune idée révolutionnaire n'entrant dans leur tête⁸. De plus ils se croyaient [une puissance]⁹ // (л. 7 об.) et cette persuasion leur donnait une grande activité. Je n'entrai pas dans leur société alors et j'abandonnai celle que je voulais former sans aucune suite parce que je croyais un jour m'emparer de la leur et la diriger dans mon sens¹⁰.

Je partis ainsi pour le commandement de l'état major du 4me corps et là les occupations sérieuses qui m'accablèrent m'ôtèrent toute idée d'association. Je perdis de vue ce que faisaient ces jeunes gens, et votre majesté verra bientôt qu'il n'y avait pas grand-chose à observer¹¹. De 1817 à 1820 je fis pourtant la connaissance de quelques-uns de ces messieurs, entre autres de

* Novikoff au lieu [d']Alexandre Mouravieff.

1 Слова «Les ennemis extérieurs sont... les ennemis intérieurs» подчеркнуты карандашом.

2 Слова «(et elle existe)» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

3 Неразборчиво, наиболее вероятная расшифровка.

4 Слово «polonais» вписано над строкой.

5 Слово неразборчиво.

6 Слово «découverte» подчеркнуто карандашом.

7 Слово «m'associer» подчеркнуто карандашом.

8 Четыре строки от слов «Les jeunes gens qui...» подчеркнуты карандашом.

9 Неразборчиво, наиболее вероятная расшифровка.

10 Слова «la diriger dans mon sens» подчеркнуты карандашом. На полях помета карандашом: «Quel est ce intention?» («Каков этот замысел?» — франц.).

11 Слова «n'y avait pas grand-chose à observer» подчеркнуты карандашом. Слово «observer» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

Pestel qui jouissait alors d'une méfiance générale de la part d'eux tous. Il me parut homme d'esprit et il l'est en effet.

En 1820, nommé Divisionnaire de la 16me division le passais par Toulchin, où je fus assailli par Фонвизин, Пестель и Юшневский. Tous sentaient qu'ils courraient des périls et les couraient en pure perte. Ils avaient adopté le système illuminé pour les affiliations, par deux inférieurs dépendant d'un supérieur et doublant de cette façon. Mais ce système demande une maturité de combinaisons et une constance d'exécution dont ils étaient incapables. Toutes les ramifications étaient brouillées et chaque membre était connu de la totalité des membres. Après 3 années de travail ils étaient 80 à peu près, répandus sur la surface de tout l'Empire, sans liaisons, sans buts, vociférant à tort et à travers et se reunissant par deux, par trois individus à des // (л. 8) temps éloignés pour échanger quelques phrases. C'était ainsi que cela se passait en province et j'ai mille raisons pour croire que cela n'était pas autrement dans la capitale. Le moment de la plus grande effervescence des esprits a été, dit-on, pendant le séjour de la cour à Moscou, et cette effervescence n'a eu pour cause que l'arrestation d'un des membres les plus zélés Alexandre Mouravieff. On prenait sa cause à coeur avec tout l'abandon d'un esprit de corps dans une caserne. Cet Alexandre Mouravieff est le premier que quitta la société. Je lui rends cette justice il se lanza dans la dévotion et depuis je n'en ai plus entendu parler. En arrivant donc à Toulchin, l'on me remontra qu'il était peu généreux à moi, connaissant tous les secrets, d'être en dehors du péril. Je me rendis à cette raison. C'était en 1820 au mois de juillet ou d'août¹.

Les mois qui se passèrent ensuite je n'entendis parler de rien. J'avais deux officiers qui étaient de la confrérie. Rayevcky², le major détenu à Tiraspol³, et Ochotnikoff⁴. Ce dernier est mort. C'était un brave et excellent jeune homme (car, sire, on peut être un honnête homme et appartenir à une société secrète)⁵. Rayevcky a beaucoup de qualités d'esprit et de chaleur d'âme. Mais, malheureusement, un verre de punch lui fait perdre toute contenance et faire beaucoup de sottises. Toutes les sottises qu'il a dites ou faites c'est toujours le verre à la main. Ces deux officiers furent employés souvent par moi pour // (л. 8 об.) connaître le dessous des cartes dans les commandances particulières de la division, et ils m'aiderent à déraciner beaucoup d'abus. Entre autre, ils s'employèrent avec ardeur à assurer le bien-être du soldat. Ils devinrent l'objet de la haine de beaucoup d'individus.

En 1821 je partis pour Moscou pour régler mes affaires et pour arranger mon mariage qui était presque décidé. C'est là que je trouvai rassemblés Фонвизин, Тургенев, Бурцов, Охотников, Граббе et Фонвизин frère⁶. C'est là que nous⁷ nous momes à l'oeuvre pour voir ce que nous pouvions faire. Dès les premiers moments je vis que tout allait de travers. En comptant le nombre de membres, autant qu'il m'en souvient, nous n'arrivâmes jamais au nombre de 100. C'est là aussi que je pris la résolution de me séparer d'eux pour jamais, et je l'annonçai publiquement. On se débattit en vain contre moi. Ma résolution était ferme et je la tins. Peu après j'appris déjà à Kieff que la société était dissou[te], et c'est Бурцов qui me l'annonça⁸.

Je crois que Бурцов n'est plus jamais rentré dans la société à sa réformation, ni les Фонвизин⁹ non plus.

L'année 1821 se passa sans que j'entendisse parler de rien. Je me mariai et je me rendis à la division. Cette année fut pourtant pour moi sous un rapport très malheureuse. Je ne sais pas si c'est vrai, mais je crois que le gouvernement a soupçonné pendant quelque temps que j'avais // (л. 9) contribué à l'entreprise d'Ipsilanty¹⁰. Le fait est que je n'en [ai] entendu parler

¹ Три строки от слов: «connaissant tous les secrets...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слова «le major détenu à Tiraspol» вписаны над строкой.

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Две строки от слов: «car, sire, on peut être...» подчеркнуты карандашом. Три строки от слов: «Rayevcky, le major détenu...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Слова «Граббе et Фонвизин frère» вписаны над строкой.

⁷ Страна от слов: «Тургенев, Бурцов, Охотников...» подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

⁸ Страна от слов «était dissou[te], et...» подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

⁹ Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

¹⁰ Слова «pendant quelque temps... d'Ipsilanty» подчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

qu'après l'événement. Quand les malheureux événements qui me privèrent de la dernière confiance du gouvernement m'ôtèrent ma division, la société, Союз благоденствия, était dissou[te] complètement et en 1821 et¹ 1822 je n'en ai pas entendu parler — Voilà pourquoi toute l'affaire de Rayevsky n'a aucun trait à celle des sociétés secrètes² Il agissait tout seul et n'a pu compromettre personne. Je dois encore avouer, pour rendre hommage à la vérité, qu'à cette époque où j'étais sous le poids d'accusations tout à fait injustes, car Dieu m'est témoin que dans tous le cours de mon commandement soit au 4me corps soit dans la 16me division je n'ai fait ni un proslyte ni reçu un membre et je n'agissais que dans la [...]³ ligne de mon devoir, à cette époque, dis-je, de souffrances pour moi, je n'ai pas donné à ma défense toute l'énergie possible parce que je craignais de dévoiler des choses déjà détruites mais dont la révélation pouvait devenir funeste à beaucoup de gens. Voilà, sire, une nouvelle charge contre moi⁴.

Telle est la vérité et la vérité entière sur cette première société du Союз благоденствия ou du Livre vert⁵, car c'est la même chose tout à fait. Ce mon de Livre vert est devenu proverbial pour indiquer la société. Parmi tous les jeunes gens qui la composaient il y avait beaucoup d'idéologistes allemands et je n'ai pas vu un seul jacobin français⁶. Je sais qu'on peut présenter la chose sous d'autres points de vue. La seule // (л. 9 об.) pensée forte qu'il y eut c'est l'association par couple dépendant⁷ d'un chef⁸ qui était une garantie de résurrection pour la société. Mais ce fut justement l'idée qui fut abandonnée tout d'abord. Ceux qui l'apprécièrent théoriquement ne pourront jamais l'apprécier exactement. Elle n'a jamais été telle qu'elle a été mise sur papier, mais telle que j'ai l'honneur de la présenter à votre majesté.

Ja passe maintenant a la seconde société dont, le croirez-vous, votre majesté? Je ne sais pas le nom et qui je crois, n'en a pas eu⁹. Voila où gît une grande difficulté de position pour moi. C'est la partie la plus intéressante et c'est sur laquelle je peux donner le moins de détails. N'allez pas prendre cette phrase, sire, pour une envie de dissimuler la vérité. Je vous donne ma parole d'honneur que je dirai tout ce que je saia et que je ne cacherai rien a votre majesté.

Avant d'entrer en matière permettez-moi, sire, d'aborder une question qui m'est personnelle. Suis-je ou ne suis-je pas membre de la nouvelle société? Vous avez résolu, sire, la question a mon avantage¹⁰. Non, je ne suis pas membre de la nouvelle société et en voici les preuves!¹¹.

1e. Qui ai-je reçu comme membre? — Personne.

2e. Par qui ai-je été reçu? — Par personne.

3e. De quel travail ai-je été chargé? — D'aucun.

4e. Par qui mon existence dans la société se prouve? — Par les dénonciations de gens à qui l'on aura dit peut-être que j'en étais soit pour leur donner de la confiance, soit par le désir de me compromettre. Remarquez, sire, que c'est la // (л. 10) [mouche]¹² générale de toutes les sociétés secrètes de supposer des chefs imaginaires ou invisibles.

¹ Слова «1821 et» вписаны над строкой.

² Две строки от слов «Voilà pourquoi toute l'affaire...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Слово неразборчиво.

⁴ Восемь строк от слов «je n'ai fait ni un proslyte...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁵ Слова «du Союз благоденствия ou du Livre vert» подчеркнуты карандашом. Две строки от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB».

⁶ Слова «il y avait beaucoup d'idéologistes allemands... jacobin français» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁷ Слово «dipendant» вписано над строкой.

⁸ Слова «y eut c'est l'association par couple dipendant d'un chef» подчеркнуты карандашом.

⁹ Две строки от слов «a la seconde societ...» подчеркнуты карандашом. Десять строк от начала страницы отчеркнуты на полях карандашом и отмечены двумя знаками «NB».

¹⁰ Две строки от слов: «Suis-je ou ne suis-je pas...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

¹¹ Ниже помета карандашом: «Comment connaissait-il son existence?» («Откуда он знал о его существовании?» — франц.).

¹² Слово неразборчиво; наиболее вероятная расшифровка.

5e. Enfin, sire, ma position dans le monde était singulièrement¹ propre² à leur faire croire que tôt ou tard je devais finir par ktre des leurs et à me compter, pour ainsi dire, sans mon aveu au nombre de leurs membres. Le chemin des idées libérales est très glissant pour la plupart des hommes. En rencontrant de la résistance on s'irrite, on s'arme contre cette résistance. On commence par la persuasion, on finit par vouloir employer la force. On parle d'abord d'inspirer sous main des idées libérales au gouvernement, on finit par croire pouvoir et devoir lui imposer des conditions. J'en sais quelque chose, sire, par ma propre expérience et quoique je n'aie jamais descendu jusqu'à la criminalité, j'ai été soumis à beaucoup d'erreurs³. Ils croyaient dons, ces messieurs, en se laissant entraîner à leur imagination que je marchais avec eux, peut-être, ou que je marcherais bientôt ainsi. D'un autre côté ils me voyaient disgracié et me croyaient mécontent. Ils croyaient que je rongeais le frein avec impatience, et que je sortirais par un éclat d'une position tranquille que j'aimais de plus en plus. C'est la seule manière que j'ai d'expliquer cet acharnement avec lequel ils ont, à ce qu'on dit, déposé que j'étais au nombre de leurs membres.

Je reprends le fil du discours. C'est, je crois, à la fin de 1822 ou 1823 que j'appris confusément qu'il y avait 7 ou 10 membres de l'ancienne société qui s'étaient juré de ne point se séparer⁴. Est-ce vrai ou non? Je n'en sais rien. Mais ce qu'il y a // (л. 10 об.) de certain, c'est, que je reçus alors des propositions par un homme, qui n'en était pas encore, d'y entrer. C'était Serge Mouravieff. Il me promettait d'en être si j'y entrais. Depuis j'ai reçu encore des propositions de Pestel, mais comme j'ai toujours refusé, ils ont pris une autre route⁵.

Ils se sont constitués en deux sociétés séparées, l'une à Pétersbourg, dont je crois que Nikita⁶ Mouravieff et Troubetzkoi étaient chefs, et l'autre à Toulchin sous la direction, je le crois aussi sans être certain, de Pestel et de Юшневский. Après ils m'en ont fait la communication par Pestel ou par un autre (je n'en suis plus sûr)⁷ et m'ont proposé d'en être le chef général. Quand j'eus refusé cette offre alors tout commerce entre nous fut presque rompu et si je recevais quelque confidence très peu importante c'est plutôt à l'indiscrétion des individus que je la devais⁸.

Je dois dire que Юшневский ne m'a jamais parlé de la nouvelle société sous aucun point de vue et qu'il m'a laissé parfaitement tranquille à cet égard⁹.

Au reste à cette époque il n'était pas difficile de connaître les membres de la société. Leurs utopies avaient pris beaucoup de développement et avaient exercé une grande influence sur leurs paroles¹⁰. Mais comme je vivais peu avec eux et que mon genre d'occupation était tout différent ces nouvelles me venaient rarement¹¹ et eux se cachaient de plus en plus de moi, espérant de la curiosité ce qu'il n'avaient pu obtenir d'autres coups. // (л. 11)

On affectait aussi à cette époque de dire que j'étais complètement dégénéré. On disait que j'étais sous l'empire de ma femme et de mon beau-frère, un de leurs ennemis jurés, et qui, à ce qu'on croyait, était le seul obstacle à ma réunion avec eux. Ils écrivaient beaucoup, paraissaient affaires, prenaient des enthousiasmes pour l'ouvrage de Destutt de Tracy sur Montesquieu et professaient des idées de fédéralisme américain¹². Enfin, d'après cette indication votre majesté trouvera, je crois, beaucoup de traces¹³ sur leur manière de voir à cette époque

1 Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

2 Слово «propre» вписано над строкой.

3 Пять строк от слов «On parle d'abord...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях. Слово «d'erreurs» отмечено на полях знаком «NB».

4 Три строки от слов: «C'est, je crois, è la fin...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях. На полях помета карандашом: «Par qui?» («От кого?» — франц.).

5 Пять строк от начала листа подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

6 Имя «Nikita» вписано над строкой.

7 Слова «je n'en suis plus sûr» вписаны над строкой.

8 Все строки абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB». На полях помета карандашом: «Pourquoi n'en a-t-il pas averti» («Почему он не предупредил?» — франц.).

9 Все строки абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

10 Две строки от слов: «Leurs utopies avaient...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

11 Слово «rarement» подчеркнуто карандашом и отмечено на полях знаком «NB».

12 Слова «et professaient des idées de fédéralisme américain» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

13 Слово «traces» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

époque par leurs papiers saisis. C'est ce que, du moins, j'ai pu recueillir dans quelques conversations très éloignées l'une de l'autre que j'eus en 1823¹.

En 1824 tout me paraissait très tranquille et durant tout le temps que Hertel a été à Kieff. Il y avait alors défense aux officiers de quitter leur régiment.

En 1825 arriva Troubetzkoi. Je dois dire, sire, qu'il fut si réservé avec moi que j'en fus étonné². A cette époque tout Kieff courait vers les nouveaux chefs arrivés et je passais à la campagne une partie de mon temps en voyant très peu de monde.

Pour des correspondances libérales ou politiques même je crois, sire, n'avoir pas besoin de vous assurer que je n'en ai pas eues dans ces derniers temps³. De même personne de ces messieurs ne m'a jamais montré aucun factum de la société, rien que je puisse dire avoir lu de mes propres yeux. D'ailleurs, il paraît à cette époque que les grands jeux de la société se faisaient à Pétersbourg, que c'est là qu'on enrôlait des noms dont je n'ai jamais entendu parler⁴. Nous voici arrivés à l'époque critique. // (л. 11 об.)

Depuis mon arrivée à Moscou le premier homme appartenant à la société que je vis c'était Nikita Mouravieff⁵. Il vint une fois chez moi et nous eûmes un bout de conversation très peu conséquente⁶. Il faut vous dire, sire, que je ne l'avais rencontré que trois ou 4 fois depuis que j'existe. Ma femme interrompit la conversation qui devint générale et il partit. Il ne revint chez moi que le jour de la Sainct Michel le 8 Novembre et depuis je ne l'ai plus revu^{*}.

La mort de sa majesté amena la prestation du serment au grand duc Constantin. Tout se fit dans le plus grand ordre. Mais peu après il se répandit un bruit sinistre de partage. On disait que le testament impérial opérait la séparation complète de la Pologne et des provinces russe-polonaises ainsi que de la Courlande⁷ et que la cession était garantie par la Sainte Alliance⁸. C'était le moment aux mécontents et aux factieux de paraître ou du moins de tâcher de lever la tête. Quelques bons Russes, sire, et moi avec eux pleurèrent sur cette nouvelle jusqu'à ce qu'ils fussent entièrement rassurés et voilà tout. Aussi je suis bien persuadé que Moscou contenait très peu de ces éléments de troubles qui se sont manifestés ici⁹.

Tout fut tranquille longtemps après encore et je n'entendais parler de rien quand tout à coup dans la salle où la noblesse était réunie pour les élections, la nouvelle se répandit que votre majesté était montée sur le trône et en même temps qu'il y avait eu une émeute populaire // (л. 12) et une révolte des troupes dans laquelle Miloradovitch avait été tué. Vers le soir toute la ville était pleine de tous ces événements. C'est alors que Фон Визен vint chez moi pour la première fois depuis 5 ans qu'il habite toujours la campagne** et me montra une lettre que je suppose¹⁰ être de Пущин adressée je ne sais à qui et sans signature, datée du 12 à ce qu'il m'en souvient¹¹. Cette lettre brûlée de ma main sur place est un factum curieux et que donne la solution selon moi¹² complète de ce qui s'est fait. Je suivrai le récit pas à pas, autant qu'il m'en souvient. La lettre est en russe.

* Je crois que je me trompe et sur cet article j'ai des éclaircissements à donner. Je vais y travailler.

** Il venait pour les élections.

1 Две строки от слов: «C'est ce que, du moins...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

2 Слова «que j'en fus étonné» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

3 Слова «dans ces derniers temps» вписаны над строкой.

4 Шесть строк от слов: «De même personne...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB». На полях помета карандашом: «Commet le sait-il et par qui?» («Откуда он это знает и через кого?» — франц.).

5 Две строки от начала абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

6 Слова «un bout de conversation très peu conséquente» подчеркнуты карандашом. На полях не разборчивая помета карандашом.

7 Четыре строки от слов «Mais peu après...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

8 Слова «et que la cession... la Sainte Alliance» вписаны над строкой.

9 Три строки от слов «Aussi je suis...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

10 Три строки от слов «C'est alors que Фон Визен...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

11 Две строки от слов «être de Пущин...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

12 Слово «moi» вписано над строкой.

1^е. «Au moment où vous¹ recevrez² ces mots, — dit la lettre, — tout sera décidé³. Voilà donc une résolution prise depuis quelques jours, une résolution hazardeuse dans laquelle ils ne sont rien moins que sûr du succès.

2^е. «Nous travaillons tous les jours⁴ avec Troubetzkoi et nous sommes tous toujours ensemble»⁵. — Voilà donc comment se rédigeaient tous ces factums qu'on doit avoir saisis.

3^е. «Nous sommes ici 60»⁶. Ceci, sire, est positif, j'ai le chiffre encore devant les yeux. Ils n'étaient que 60 d'abord, tout le reste a été recruté depuis.

4^е. «Nous sommes sûrs d'à peu près mille soldats»⁷. Voilà encore les moyens bien précisés.

5^е. «Le moment est favorable, si nous n'agissons pas nous méritons le brevet de pleutres, adieu, pleurez-nous»⁸. // (л. 12 об.) Voilà donc ces jeunes gens se montant la tête mutuellement et, après avoir bavardé pendant 2 ans, se lançant tête basse dans l'acte de révolte le plus odieux et dans l'entreprise la plus équivoque pour le succès, sans moyens, sans espoir et seulement par ce sentiment de honte de rester oisifs après avoir tant travaillé pour tout soulever autour de soi⁹.

6^е. Croyez-vous, sire, que dans cette lettre où l'auteur paraissait énumérer et toutes les ressources et toutes les raisons qui déterminaient les conjurés à agir, il eût atténué les moyens qu'ils avaient à leurs ordres et n'eût pas dit que des personnages puissants les appuyaient secrètement? Car j'ai bien compris la chose sur laquelle votre majesté a appuyé dans mon interrogatoire. Ce sont les chefs du complot que cherche votre majesté. Elle ignore si auprès d'elle, il n'existe pas de tête qui ait organisé, soudoyé, soutenu la révolte. Voilà, sire, ce dans quoi votre majesté me demandait de la seconder. Eh bien, sire, ma façon de penser là-dessus est que la révolte a été toute démocratique; c'est un affreux poignard agité par 60 factieux et un faux étendard de Constantin sous lequel se sont ralliés 1000 soldats. Voilà le tout réduit à la plus simple expression. La gravité des événements, la générale, l'inquiétude de l'attente en ont été les complices. Ou je me trompe, ou c'est la pure vérité. — Voilà, sire, ce que j'allais vous dire sans citer les noms au moment où votre courroux m'a imposé¹⁰ // (л. 13) silence. C'est la pièce la plus forte et la plus probante que je connaisse sur cette malheureuse et terrible affaire¹¹.

Mais, dira-t-on, cette lettre est¹² brûlée, qui garantira la vérité de ce récit?

1^е. C'est Фон Визен, pourvu qu'il ne perde pas la tête et qu'il n'aille pas croire que c'est un nouvel acte d'accusation contre lui. Il faudrait le savoir par la douceur.

2^е. C'est Пущин lui-même que est en votre puissance.

3^е. Enfin, c'est moi, sire, d'abord par ma parole d'honneur et puis en vous citant des mots compromettants pour moi et qui se trouvaient dans cette lettre et pourquoi je l'ai brûlée. Il y était dit: «Покажи это письмо Михайлу Орлову»¹³. Comme je suis sûr de mon fait, je ne crains pas de pousser ma franchise à un excès qui, j'ose l'espérer, ne déplaira pas tout à fait à votre majesté impériale, d'ailleurs c'est tenir la parole que j'ai donné au commencement de cet écrit¹⁴.

Enfin, sire, il ne me reste plus qu'à vous parler de la missive de Troubetzkoi. Elle ne m'a jamais été remise. Mouravieff, Hyppolyte, que j'ai connu encore enfant, en a été chargé;

1 Далее зачеркнуто: «je».

2 Слово «recevez» вписано над строкой вместо зачеркнутого «adresse».

3 Две строки от слов «Au moment où vous...» подчеркнуты карандашом.

4 Далее зачеркнуто: «des».

5 Две строки от слов «Nous travaillons tous...» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «Nous sommes ici 60» подчеркнуты карандашом. Двенадцать строк от слов «curieux et qui donne la solution...» отчеркнуты на полях карандашом.

7 Слова «Nous sommes sûrs... mille soldats» подчеркнуты карандашом.

8 Две строки от слов: «Le moment est favorable...» подчеркнуты карандашом.

9 Шесть строк от начала листа подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

10 Весь текст от начала шестого пункта подчеркнут карандашом, отчеркнут на полях и отмечен знаком «NB».

11 Две строки от начала ответа подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

12 Слово «est» вписано над строкой.

13 Весь текст от начала первого пункта подчеркнут карандашом. Слова «Покажи это письмо Михайлу Орлову» подчеркнуты дважды и отмечены на полях знаком «NB».

14 Весь текст от начала первого пункта отчеркнут на полях карандашом.

la première et la dernière fois qu'il est venu chez moi c'est le 19 ou le 20. Il devait revenir chercher une lettre de ma femme. Il n'est pas venu. Il est possible que cette lettre ait été envoyée par poste. Elle ne contenait rien qui ne¹ // (л. 13 об.) puisse² être écrit. La [folie]³ de Troubetzkoi de m'écrire le 13 que je vienne l'aider le 14 est un acre de démence dont je ne suis pas responsable⁴.

A tout cela je n'ai plus qu'un mot à ajouter. Si votre majesté désire avoir des notes sur les individus, qu'elle veuille bien me nommer ceux qu'elle désire que je caractérise. Je lui promets la même franchise que j'ai mise dans tout cet écrit. Sire, j'en connais moins que vous ne le pensez peut-être; mais ceux que je connais, je les connais bien⁵.

Le général major Michel Orloff⁶

Правитель дел Комитета военный советник Боровков⁷

Le 29 Décembre 1825
S[ain]t-Pétersbourg // (л. 14)

Перевод

Записка для его императорского величества

Во время допроса, я осмелился назвать его дружеским, которым ваше величество соизволили удостоить меня вчера, 28 декабря, я был преисполнен благодарности, когда услышал, прежде, чем я приступил к дальнейшим объяснениям, что ваше императорское величество считает меня невиновным в ужасных событиях, произошедших в Петербурге. Ваше величество не только хотели отвести от меня это обвинение, но соблаговолили даже приобщить меня, если можно так сказать, к тому благому делу, которое вы решили осуществить. Я это тоже глубочайшим образом прочувствовал.

Но в тот момент, когда ваше величество потребовали от меня назвать одно имя, мгновенная мысль пронзила мое сознание и парализовала язык. Я подумал, что, снимая с себя все подозрения, я, тем самым, быть может, отягчу участь другого. Пусть ваше величество сами решат, могла ли такая мысль быть следствием недоверия к вам или она зависела от какого-нибудь другого, достойного порицания чувства. Как бы то ни было, но по размышлении я проникся уверенностью, что в том, что я мог сказать, не содержалось обвинений против кого-либо, ибо я просто изложил бы факты. Примите, государь, мои извинения, если я хотя бы в малейшей степени оскорбил ваше императорское достоинство или лично вас. Я ни в коей мере не желал этого.

По приказанию вашего величества, я приступаю к существу вопроса. Эта записка является во многих отношениях как оправдательной, так и обвинительной, особенно в начале. Таков я, государь, по своей природе. Вы мне приказываете рассказать то, что я знаю о других. Я начинаю с себя, рискуя первым навлечь гнев вашего величества.

Мне кажется, я первый задумал создать в России тайное общество. Это было в 1814 году. Я был тогда под большим впечатлением того большого значения, которое Тугенбунд приобрел в политике. С другой стороны, я хранил в своей памяти слова императора Александра, сказанные им в Париже: «Внешние враги повержены надолго, будем сражаться с врагами внутренними». С такими мыслями вернулся я в Россию. Я хотел переменить род занятий, оставить армию и заняться

¹ Семь строк от слов «Enfin, sire...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Вверху листа неразборчивая помета карандашом.

³ Неразборчиво.

⁴ Три строки от слов «puisse être écrit...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁵ Семь строк от слов «A tout cela je n'ai plus...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁶ Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

⁷ Слова «Правитель дел Комитета» скрепляют все листы письма М.Ф.Орлова: л. 6 — «Пра», л. 7 — «ви», л. 8 — «тель», л. 9 — «дел», л. 10 — «Ко», л. 11 — «ми», л. 12 — «те», л. 13 — «та». Слова «военный советник Боровков» заключают письмо.

административной деятельностью, где, государь, как вы знаете, «наполеоны» творят внутренний разбой. По этому поводу я вел переписку с графом Мамоновым. Я уговоривал его принять участие в моих планах. Он мне ответил, что враг внутренний сильнее всякого внешнего врага и что он сомневается в успехе. Тем не менее мы пришли к согласию относительно некоторых положений.

Наступили события 1815 года. Создание Польского царства, тщетность моих возражений против этого плана, высказанных царствовавшему тогда государю, убеждение, что в Польше существовало (и существует теперь) тайное общество, подготавливающее ее воссоединение, место, которое польский вопрос все больше приобретал, или, по крайней мере, казалось, что приобретал в планах государя, ибо как раз в этот момент был создан Литовский корпус, — все это, вместе взятое, внушило мне мысль включить противодействие польской системе в мои первоначальные планы. В связи с этим в [...] 1816 и частично в 1817 годах я был занят вместе с Мамоновым этим делом. Но оно не было завершено, а вскоре было совершенно оставлено нами: им — из-за его путешествия и болезни, мною — вследствие одного открытия, которое я тогда сделал.

Я узнал, что образовалось общество молодых людей, большей частью гвардейских офицеров, которые также были в восторге от успеха Тугенбунда и работали в том же направлении. Я сблизился с ними, но в общество не вступил. Один лишь Новиков* установил со мною связь. Он был одним из организаторов. Вскоре между нами установилось доверие, и постепенно я узнал, что это было за общество. Их устав, который я, впрочем, прочитал только несколько лет спустя, был скопирован с устава Тугенбунда. Все филантропические и либеральные взгляды, изложенные в нем, представляли собой набор неудобоваримых фраз, которые трудно было читать и еще труднее понять. Это было нечто тяжелое, скучное, не возбуждающее работу ума. Все, в нем заключавшееся, можно было найти в сотнях различных книг в лучшем изложении и с лучшими объяснениями. Молодые люди, входившие в общество, называвшееся «Союз благоденствия», руководствовались тогда исключительно либеральными идеями, в которых не было еще ничего революционного. Кроме того, они считали себя большой силой, и это убеждение делало их очень активными. Я не вступил тогда в их общество и оставил без осуществления план создания моего собственного, потому, что думал со временем воспользоваться их организацией и направить ее деятельность в соответствии с моими замыслами.

Так я и уехал, получив назначение на должность начальника штаба 4-го корпуса, и по прибытии на место я оказался всецело поглощенным своими обязанностями, заставившими меня оставить всякую мысль об обществе. Я перестал следить за деятельностью этих молодых людей, и ваше величество скоро увидит, что, собственно, не за чем было и следить. Однако, в 1817—1820 годах я познакомился с некоторыми из этих господ, и среди прочих, с Пестелем, который пользовался тогда их всеобщим недоверием. Мне он показался умным человеком, и он действительно таков.

В 1820 году, будучи назначен командиром 16-й пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня навалились Фонвизин, Пестель и Юшневский. Все они чувствовали, что находятся в опасности и что подвергают ей себя понапрасну. Они заимствовали для своего общества систему иллюминатов, предусматривающую подчинение одному вышестоящему двух подчиненных с последующим дроблением на двое. Но подобная система требует величайшей продуманности и неуклонного ее применения, к чему они были неспособны. Все звенья общества были перепутаны и каждый его член был известен всем другим. После трехлетней работы их оказалось примерно 80 человек. Они были рассеяны по всей империи, не имея связи между собой и без определенной цели, шумели по поводу и без повода и съезжались после длительных перерывов по два, по три человека, чтобы перемолвиться несколькими фразами. Таково было положение дел в провинции, и у меня есть все основания предполагать, что в столице дело обстояло так же. Говорят, особенное брожение умов наблюдалось во время пребывания двора в Москве, и причиной этому был арест одного из самых активных членов общества Александра Муравьева. В армии его арест был принят близко к сердцу и со всей сословной

* Новиков вместо Александра Муравьева.

солидарностью. Александр Муравьев первым покинул общество. Тут я отдаю ему полную справедливость. Он ударился в религию, и с тех пор я более ничего не слыхал о нем. Таким образом, когда я прибыл в Тульчин, мне стали доказывать, что раз я знаю все их тайны, то и сам не должен оставаться вне опасности. Я уступил перед этими доводами. Происходило все это в 1820 году в июле или августе месяце.

Во все последующие месяцы я ничего не слышал. У меня под началом было два офицера, которые входили в общество: Раевский, майор, содержащийся под арестом в Тирасполе, и Охотников. Последний умер. Это был превосходный и храбрый молодой человек (ибо, государь, можно быть благородным человеком и принадлежать к тайному обществу). Раевский очень умный и душевный человек. К несчастью, от одного стакана пунша он теряет контроль над собой и способен наделать много глупостей. Все глупости, которые он говорил или совершал, все это происходило под влиянием вина. Я пользовался этими двумя офицерами главным образом для того, чтобы знать, как обстоят дела в частях дивизии, и они очень помогли мне уменьшить число злоупотреблений. Кроме того, они ревностно заботились о солдатах. Оба вызвали ненависть многих лиц.

В 1821 году я отправился в Москву для устройства своих дел и своей женитьбы, которая была уже почти решена. Там я застал Фонвизина, Тургенева, Бурцова, Охотникова, Граббе и брата Фонвизина. И там же мы принялись выяснять, что, собственно, мы можем сделать. С самого начала я увидел, что все идет не как надо. Насколько я помню, подсчитывая число членов общества, мы никогда не набирали сотни. Там же, в Москве, я принял решение разойтись с ними навсегда, и открыто заявил об этом. Они тщетно пытались меня переубедить. Мое решение было твердо, и я остался ему верен. Некоторое время спустя, уже находясь в Киеве, я узнал, что общество распалось, и сообщил мне об этом Бурцов.

Мне думается, что Бурцов в реформированное общество уже не возвращался, равно как и оба Фонвизина.

В течение 1821 года я ни о чем и ни о ком не слышал. Я женился и вернулся в дивизию. Но этот год в некотором отношении оказался для меня очень несчастливым. Не знаю, верно ли это, но мне кажется, что власти некоторое время подозревали меня в причастности к делу Ипсиланти. На самом же деле я услышал о нем только после восстания. Когда в результате этих злосчастных событий я потерял последнее доверие властей и свою дивизию, общество «Союз благоденствия» уже не существовало, и ни в 1821, ни в 1822 годах я о нем ничего не слышал. Вот почему все дело Раевского не имеет никакого отношения к тайным обществам. Он действовал в одиночку и не мог никого скомпрометировать. Здесь, чтобы быть до конца правдивым, я должен сделать одно признание: когда в ту пору надо мной тяготели несправедливые обвинения, а бог свидетель, что за все время моего командования и 4-м корпусом, и 16-й дивизией я не привлек на свою сторону ни одного последователя и не принял в общество ни одного члена и выполнял лишь свои прямые обязанности, вот в эту самую пору столь тяжких испытаний я не мог защитить себя должным образом, ибо боялся пролить свет на некоторые обстоятельства, что хоть уже и были в прошлом, но выяснение которых могло бы иметь тяжкие последствия для многих. Вот, государь, новая улика против меня.

Вот правда и вся правда относительно этого первого общества «Союз благоденствия», или «Зеленой книги», что совершенно одно и то же. Название «Зеленая книга» стало нарицательным для обозначения общества. Среди молодых людей, которые в него входили, многие проповедовали немецкую идеологию, но я не видел ни одного французского якобинца. Я знаю, что это дело можно представить совсем в другом свете. Единственной серьезной их мыслью была система подчинения двоих одному начальнику, что было гарантой возрождения общества. Но именно эта идея была отвергнута первой. Те, которые соглашались с ней только теоретически, никогда не смогут иметь о ней точного представления. Эта идея никогда не была реализована в том виде, в каком она была изложена на бумаге, а лишь в том, в каком я имел честь изложить ее вашему величеству.

Я перехожу теперь ко второму обществу, и поверите ли, ваше величество, я даже не знаю, как оно называется, и думаю, что у него никогда не было названия. Вот в этом и заключается основная трудность моего положения. Для вас это, несомненно, наиболее интересная сторона дела и именно об этом я могу рассказать

меньше всего. Не примите, государь, мою фразу за желание скрыть правду. Я даю вам слово чести, что скажу все, что знаю, и ничего не утаю от вашего величества.

Прежде, чем войти в существо дела, позвольте мне затронуть один вопрос, который касается лично меня. Состою ли я сам в новом обществе или нет? Вы решили этот вопрос в мою пользу, государь. Нет, я не член общества, и вот тому доказательства.

1. Кого принял я членом общества? — Никого.

2. Кем я был принят? — Никем.

3. Какую работу я выполнял? — Никакую.

4. Чем доказывается моя принадлежность к обществу? — Доносами людей, которым могли сказать, что я был его членом, для того, чтобы укрепить в них веру, либо же из желания меня скомпрометировать. Заметьте, государь, что это обычная [тактика] всех тайных обществ: предполагать участие воображаемых или невидимых начальников.

5. Наконец, государь, мое общественное положение в тот момент было таково, что давало им повод думать, будто рано или поздно я стану в их ряды, и они без моего согласия уже причислили меня к числу своих. Путь либеральных идей для большинства людей весьма скользкий. Встречая противодействие, эти люди раздражаются и борются с ним. Сначала стараются убедить, а кончают попытками применить силу. Сначала разговор идет о том, чтобы исподволь внушать властям либеральные идеи, а кончается все тем, что они считают возможным и необходимым навязать им свои условия. Я по собственному опыту знаю кое-что об этом, и хотя я никогда не переступал черты, отделяющей мои действия от преступления, я наделал немало ошибок. Итак, эти господа вообразили, что я с ними по-видимому, а если нет еще, то скоро буду. С другой стороны, они видели, что я в немилости, и считали меня недовольным. Они полагали, что я с трудом сдерживаю досаду и что в конечном счете я не выдержу и расстанусь с тем спокойным положением, которым я все больше и больше дорожил. Только так могу я объяснить ту настойчивость, с которой они, говорят, твердили, что я принадлежу к числу их членов.

Я возвращаюсь к прерванному рассказу. Кажется, к концу 1822 или в 1823 году до меня дошел слух, что 7 или 10 членов прежнего общества поклялись не расставаться. Так ли это? Не знаю. Но несомненно то, что именно тогда мне было предложено войти в общество, и сделал это человек, который к нему еще не принадлежал. Это был Сергей Муравьев. Он обещал последовать за мной, если я вступлю в общество. После этого я получил еще несколько предложений от Пестеля, но так как я всегда отказывался, они выбрали иной путь.

Они образовали два самостоятельных общества: одно в Петербурге, причем руководителями его, как мне кажется, были Никита Муравьев и Трубецкой; другое в Тульчине под руководством Пестеля и Юшневского (так, по крайней мере, я думаю, но уверенности у меня нет). Потом они сообщили мне об этом через Пестеля или через кого-то другого, — я теперь точно не помню, — и предложили мне стать во главе этих двух обществ. После того, как я отклонил это предложение, связи наши почти совсем прекратились, и если я еще и узнавал что-либо незначительное, то, скорее, вследствие их болтливости.

Я должен сказать, что Юшневский никогда ни при каких обстоятельствах не говорил со мною о новом обществе; в этом отношении он меня совершенно оставил в покое.

Впрочем, тогда членов общества нетрудно было узнать. Они находились под большим влиянием утопических идей, и это заметно отражалось на их речах. Но так как я редко встречался с ними, да и род моих занятий был иным, то эти известия доходили до меня лишь изредка. Они же все больше и больше таились от меня, рассчитывая, что мое любопытство приведет к тому, чего они не смогли добиться другими способами.

Как раз в это время пустили слух, будто я совершенно изменился. Говорили, что я нахожусь под влиянием жены и шурина, одного из их заключенных врагов, который, по их мнению, был единственным, кто препятствовал моему соединению с ними. Они много писали, казались очень занятыми своим делом, с большим энтузиазмом относились к труду Детю де Траси о Монтескье и исповедовали идеи американского федерализма. Исходя из этого, вы, ваше величество, сможете найти в изъятых у них бумагах много свидетельств их взглядов в то время. Вот что, во

всяком случае, я смог уловить из тех очень редких бесед, которые я имел с ними в 1823 году.

В 1824 году мне казалось, что все было спокойно, пока Эртель находился в Киеве. Тогда офицерам было запрещено покидать свои полки.

В 1825 году приехал Трубецкой. Должен сказать, государь, он был настолько сдержан со мной, что я был этим удивлен. В это время весь Киев отдавал визиты новоприбывшему начальству, я же проводил часть своего времени в деревне и видался с очень немногими.

Что касается либеральной и тем более политической переписки, то я думаю, государь, мне нет нужды заверять вас, что таковой в последнее время я не вел. Никто из этих господ также никогда не показывал мне ни одного документа, принадлежавшего обществу, ничего, что я прочитал бы собственными глазами. Впрочем, как мне кажется, в то время все значительное, что было связано с обществом, происходило в Петербурге; там же вербовались новые люди, о которых я никогда не слышал. Теперь мы подошли к решающим событиям.

Первым членом общества, с которым я встретился по приезде в Москву, был Никита Муравьев. Он как-то зашел ко мне; разговор у нас был короткий и непоследовательный. Нужно добавить, государь, что до этого за всю свою жизнь я видел его всего каких-нибудь три—четыре раза. Моя жена перебила нас, разговор стал общим, и Муравьев ушел. После же этого он был у меня только в Михайлов день, 8 ноября, и с тех пор я его больше не видел*.

После смерти его величества присягали великому князю Константину. Все прошло в совершенном порядке. Но потом по Москве пошел зловещий слух о разделе. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также и Курляндии, и что Священный союз гарантирует это отделение. Это был благоприятный момент для недовольных и бунтовщиков, чтобы выступить или, во всяком случае, попытаться поднять голову. Некоторые же истинно русские люди, и я в том числе, государь, сокрушались по поводу отделения Польши до тех пор, пока нас не убедили в том, что это не произойдет. Вот и все. Потому-то я глубоко убежден, что Москва была очень мало затронута теми бунтовщиками настроениями, которые проявились здесь.

Долгое время все было спокойно и не было никаких разговоров, как вдруг в зале, где собралось дворянство для выборов, одновременно распространились вести о том, что ваше величество вступили на престол, и о народном бунте и мятеже в войсках, во время которого был убит Милорадович. К вечеру весь город говорил об этих событиях. Вот тогда-то Фонвизин в первый раз за пять лет своего неотлучного пребывания в деревне** пришел ко мне и показал письмо, адресованное не знаю кому, без подписи, помеченное, если мне не изменяет память, 12-м числом. Я думаю, что оно было от Пущина. Это письмо, которое я тут же собственноручно сжег, представляет собой любопытный документ, который дает, по-моему, ключ к пониманию того, что произошло. Я попытаюсь последовательно восстановить его содержание, насколько мне позволит память. Письмо написано по-русски.

1. «В тот момент, когда вы получите эти строки, — гласит письмо, — все будет решено». — Следовательно, решение было принято несколько дней тому назад, решение рискованное, но они были совершенно уверены в успехе своего предприятия.

2. «Мы работаем ежедневно с Трубецким, и все мы все время вместе». — Вот, следовательно, как сочинялись все документы, которые должны быть уже изъяты.

3. «Нас здесь 60». — Это, государь, совершенно точно, я как сейчас вижу это число перед глазами. Сначала их было всего 60; остальные были привлечены позже.

4. «Мы уверены приблизительно в 1000 солдат». Вот еще одно уточнение, касающееся средств, которыми они собирались действовать.

5. «Момент благоприятный; если мы не будем действовать, мы будем трусами; прощайте, оплакивайте нас». Вот они, эти молодые люди, разгорячившие свое воображение двухлетней болтовней, бросились очертя голову в сомнительнейшее предприятие, подняли гнусный мятеж. Они пошли на это, не имея ни средств, ни надежды на успех, исключительно потому, что им стыдно было не довести до

* Возможно, что я ошибаюсь. По размышлении представлю некоторые разъяснения.

** Он приехал на выборы.

решительного дела свою работу, направленную на то, чтобы всех поднять за собой.

6. Думаете ли вы, государь, чтобы в письме, где автор, по-видимому, перечислял все средства и все причины, которые побуждали заговорщиков действовать, он преуменьшил бы средства, бывшие в их распоряжении, и не сказал бы, что могущественные лица их поддерживают? Ибо я хорошо понял, какое признание вы хотели получить от меня, ваше величество, во время допроса. Вы ищете вождей заговора, ваше величество. Вы думаете, не находится ли вблизи вас тот, кто организовал этот бунт, давал на него средства и поддерживал его. Это, государь, как раз то, в чем ваше величество просили моего содействия. Так вот, государь, мой взгляд на это таков: восстание носило чисто демократический характер, это был ужасный кинжал, занесенный 60 заговорщиками, лже-зnamя Константина, под которым объединилась 1000 солдат. Вот как все это просто объясняется. Серьезность происходящих событий, всеобщее ошеломление, тревожное ожидание способствовали этому. Или я ошибаюсь, или это истина. Вот, государь, что я намеревался вам сказать, не называя имен, в ту минуту, когда ваш гнев заставил меня замолчать. Это свидетельство самое весомое и убедительное из всего того, что мне известно об этом злосчастном и ужасном деле.

Но, скажут мне: письмо сожжено, кто сможет подтвердить истинность моего рассказа?

1. Фонвизин, если только он не испугается и не подумает, что это новая улика против него. От него нужно узнать это, действуя мягко.

2. Сам Пущин, который в ваших руках.

3. Наконец, я сам, государь, свидетельствуя своим честным словом и тем, что приведу компрометирующие меня слова из этого письма, почему я его и сжег. Там было сказано: «Покажи это письмо Михаилу Орлову». Так как я уверен в своей невиновности, то я не боюсь быть полностью откровенным; смею надеяться, что моя откровенность не будет слишком неприятной вашему величеству. Впрочем, это означает, что я сдержу слово, данное в начале этой записи.

Наконец, государь, мне остается лишь рассказать о письме Трубецкого. Мне никогда не передавали этого письма. Это было поручено сделать Ипполиту Муравьеву, которого я знал еще ребенком; в первый и последний раз он был у меня 19-го или 20-го числа. Он должен был зайти к нам еще раз за письмом моей жены, но он не пришел. Возможно, что это письмо было отправлено почтой. В нем не было ничего такого, чего нельзя было бы написать в письме. Писать мне 13-го с просьбой прийти ему на помощь 14-го было со стороны Трубецкого нелепым безрассуждством, за которое я не несу ответственности.

Ко всему этому мне надо добавить еще только одно. Если вашему величеству угодно иметь сведения о каких-нибудь лицах, благоволите назвать тех, чью характеристику вы желали бы иметь. Я обещаю сделать это с той же откровенностью, с какою я писал эту записку. Государь, я знаю меньше людей, чем вы, может быть, думаете, но тех, кого я знаю, я знаю хорошо.

Генерал-майор Михаил Орлов
Правитель дел Комитета военный советник Боровков

29 декабря 1825
Санкт-Петербург

№ 6 (2)

Выписка из журнала Комитета 30 декабря 1825

Комитет по выслушании показаний генерал-майора Орлова, находя, что в оных не видно чистосердечия и что объяснения его неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями, его обвиняющими, положил испросить соизволения его императорского величества, дабы запрещены были всякие сношения с ген[ерал]-майором Орловым.

На докладной о сем записке 30 декабря государь император изволил собствен-
норучно написать следующее: «Кроме с братом его Алексеем». // (л. 15)

№ 7 (3)¹

J'ai l'honneur de vous renvoyer, cher Général, le Mémoire dont plusieurs points demandaient des explications. Je tâcherai de les insérer toutes dans le nouveau Mémoire que je rédige en ce moment.

Groyez, cher Général, que je sens aussi bien que vous combien il est important pour Notre Souverain, pour la Patrie, pour moi-même en particulier, que Sa Majesté soit pleinement rassurée et persuadée que le mal est coupé dans sa racine. Je ferai tout ce qu'il est en mon pouvoir de faire à cet égard — mais je ne peux pas aller au-delà de mes moyens, qui malheureusement sont bornés.

Je n'ai aucune idée de ménager qui que se soit au monde, pas même moi, et je donne ma parole d'honneur de mettre par écrit tout ce que ma mémoire me rappellera.

Agréez, cher Général, les expressions de ma tendre et ancienne amitié.

Michel Orloff²

Le 2 Janvier 1825

10 heures du matin // (л. 16)

Перевод

Имею честь вернуть вам, дорогой генерал, записку, многие пункты которой требовали объяснения. Я постараюсь сделать это в новой записке, которую я сейчас составляю.

Поверьте, дорогой генерал, что я также хорошо, как и вы, чувствую, насколько важно для нашего монарха, для Отечества и, в частности, для меня самого, чтобы его величество был совершенно спокоен и убежден в том, что зло полностью искоренено. Я сделаю в этом отношении все, что в моих силах, но не могу сделать больше, чем позволяют мне мои возможности, которые, к сожалению, ограничены.

У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю вам слово чести написать все, что сохранилось в моей памяти.

Примите, дорогой генерал, уверения в моей давней и нежной дружбе.

Михаил Орлов

2 января 1825

10 часов утра

№ 8 (4)³

Показание генерал-майора Орлова I-го

Вступление

По словам генерал-адъютантов Бенкendorфа и Левашева и по собственным всемилостивейшим изречениям его императорского величества я чувствую в полной силе обязанность, на меня возложенную, и постараюсь за доверенность платить искренностью. Я готов говорить правду и всю правду; но ежели положение, в коем я находился, воспретит мне пояснить совершенно обстоятельства мало мне известные, я надеюсь, что правосудие его императорского величества не допустит, чтоб приписали недоверчивости то, что принадлежит одному незнанию.

Я не удивлюсь, ежели многие из членов общества, находящиеся теперь в руках правительства, будут отвечать основательнее и удовлетворительнее меня. Это проистекает из самого существа обстоятельств. Тайное общество было их единственным занятием; для них ничего скрытного не было; они знали все установления оного; они участвовали во всех заседаниях. Я же, напротив того, знаю только то, что мог узнать вскользь, намеками, полудовериями, загадками в то время, когда

¹ Вверху листа помета карандашом: «Принять к сведению в ожидании от Орлова новых показаний».

² Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

³ Вверху листа помета карандашом: «Пол[учено] 9 января 1825». Год указан ошибочно, вместе 1826-го.

они старались меня привлечь к себе. С другой стороны¹, свидания мои с членами были очень редки, что в своем месте и изъясняется, и, наконец, сделались // (л. 16 об.) весьма сухи, ибо покушения их на приглашение меня в общество сделались мне несносными. К сему надобно прибавить, что со дня их соединения до дня ареста дела общества были их жизнью, а я занимался совсем посторонними предметами и доведен был до того, что одно имя тайного общества наносило мне уныние и тоску.

Для лучшего усмотрения я разделяю сие показание на 4 части, коих содержание есть следующее:

1-я часть. О первом обществе или о Союзе благоденствия.

2-я часть. О втором обществе, коего имени не знаю, до моего выезда из Киева в 1825-м.

3-я часть. О событиях в Москве до моего ареста.

4-я часть. Заключения мои и разыскания, есть ли отрасли и связи общества, здесь в столице, в Польше и в чужих краях.

Приступаю теперь к самому существу дела со всею откровенностью, с усерднейшим желанием исполнить волю его императорского величества и оказать услугу Отечеству. // (л. 17)

Часть первая. О первом обществе или о Союзе благоденствия

1. Я возвратился из чужих краев 1814 года², уверенный, что Тугендбунд было одно из деятельнейших средств, употребленных для спасения Пруссии и Германии, и вознамерился сделать тайное общество, составленное из самых честных людей³, для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются во внутреннем управлении России. Я взошел в переписку с графом Дмитриевым-Мамоновым⁴ по сему предмету и, остановив несколько мыслей между нами, мы готовили общий план, который хотели предложить на утверждение его императорского величества, надеясь, что государь, также как его величество король прусский для Тугендбунда, возьмет нас под свое покровительство. Сия странная мысль,вшенная, однако же, чистым желанием добра, недолго нас занимала, ибо другие обстоятельства возникли⁵.

2. Государь изволил отправиться в Вену и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастием для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо⁶, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем доконченным, и сведение // (л. 17 об.) об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться⁷.

3. Обстоятельства 1815 года и пребывание мое в Париже большую часть 1816 года не позволили мне заниматься сими предметами до самого возвращения в Россию. Тогда предубежденный будучи, что восстановление Польше не могло столь сильно быть поддерживаемо русским правлением без влияния польского тайного общества над намерениями и волею государя, я вознамерился к первому моему предмету присоединить и другой, то есть противопоставить польскому русское тайное общество. Из сего видно, что план оного уже предложенным на высочайшее

1 Слово «стороны» вписано над строкой.

2 Так в подлиннике.

3 Две строки от слов «вознамерился сделать тайное...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

4 Слова «в переписку с графом Дмитриевым-Мамоновым» подчеркнуты карандашом.

5 Восемь строк от слов «мы готовили общий план...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

6 Шесть строк от слов «о восстановлении Польши...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

7 Так в подлиннике. Четыре строки от слов «известное генерал-адъютанту...» подчеркнуты карандашом, две строки от слов «об оном дошедши до государя...» на полях отчеркнуты карандашом.

утверждение быть не мог¹. Сим занимался я конец 1816-го и начало 1817 года, но ни намерение мое, ни труд мой к концу приведены не были, и все осталось без исполнения.

4. Стارаясь приклонить к намерениям моим молодых людей, я говорил о сем бывшему правителю канцелярии малороссийского генерал-губернатора Новикову или Александру Муравьеву. Один из них, не помню кто, открыл мне, что уже тайное общество, составленное по большей части из молодых офицеров гвардии, уже составлено, и сие открытие заставило бросить все мои прежние сочинения². Он предложил мне взойти в общество; но когда я требовал, чтобы сказал имена, с коими буду в сообщничестве, то он отвечал, что сих имен не скажет, ибо будучи все молодые люди, они не вселят во мне никакой доверенности. Он однако же не отказался изъяснить мне³ // (л. 18) общий план, который тогда состоял в следующем:

5. Общество состояло из трех степеней: друг, брат и муж⁴. Другом почитался всякий человек, имеющий свободный образ мыслей (*liberal*)⁵, знающий или незнающий о существовании общества. Следственно, другом и внесенным на их регистр мог быть всякий, кто бы он ни был и совершил это без ведома и согласия. Братом назывался тот, кто дал клятвенную обязанность на свою верность, но коему тайна общества не была открыта⁶. Мужем наречен был тот, кто знал тайну и дал клятву. Тогда я никакой обязанности не дал, но полагаю, что был внесен в табель другом⁷.

6. После моего отъезда из Петербурга, я занялся вверенными мне делами и со всем потерял из виду сие общество. Вскоре потом оно преобразовалось без моего ведома и содействия и приняло имя «Союза благоденствия»⁸. Устав их рукописный был переплетен в зеленый переплет⁹, отчего и произошло название «Союза зеленої книжки»¹⁰. Сей устав, который читан мною гораздо позже и только один раз и которого в руках и в собственности никогда не имел, был написан, сколько упомяну, тяжело и несвязано¹¹. Он заключал в себе много филантропических мыслей, таких, каких можно найти во всякой книге, и был почти весь выписан из устава Тугендбунда. Члены сего общества были все свободомыслящие молодые люди, старающиеся распро// (л. 18 об.)странять свои теории, но едва ли имеющие какуюлибо мысль о перевороте: они более были немецкие идеологи, чем французские якобинцы¹². Изыскание средств для освобождения крестьян, статистические сведения о России, народное образование, изучение конституционального права всех других народов составляли их занятия. Противодействия правительству, кажется, не было, ибо правительство само шло тогда почти тою же дорогою. По крайней мере, я, отдаленный от круга действия, так мог понимать сие общество. Впрочем, связь членов и устав были весьма слабы. Одна только сильная мысль взята была из учреждения иллюминатов и вот в чем она состояла. Всякий член, начиная с самого первого, имел право выбрать и принять только двух членов, из коих каждый имел такое же право. Из сего следует, что на первом твердом человеке, который вознамерится взять на себя всю ответственность и сказать на-

¹ Пять строк от слов «я вознамерился к первому моему...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Пять строк от слов «Один из них, не помню...» подчеркнуты карандашом.

³ Шесть строк от слов «сочинения. Он предложил мне...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Слова «Общество состояло... брат и муж» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слова «свободный образ мыслей (*liberal*)» подчеркнуты карандашом.

⁶ Две строки от слов «кто дал клятвенную...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Четыре строки от слов «кто знал тайну и...» подчеркнуты карандашом. Весь абзац на полях отчеркнут карандашом.

⁸ Пять строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁹ Слова «зеленый переплет» подчеркнуты карандашом.

¹⁰ Страна со словами «и произошло название "Союза зеленої книжки"» отчеркнута на полях карандашом и отмечена знаком «NB».

¹¹ Две строки от слов «был написан...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

¹² Слова «французские якобинцы» отчеркнуты на полях карандашом.

чальником, вся цепь розысков прерывается¹. Это правило давало обществу силу возрождения после всех гонений, но препятствовало сильному движению умов, ибо самые способные, как самые ничтожные члены, более двух принятий сделать не могли. Но и сие правило только принято было на бумаге, а в действие никогда не приводилось. Желание говорить и иметь участие в общем действии скоро познакомило всех членов и составило общую массу или кучу, не имеющую ни истинного предмета, ниже начальства. Вся цель сего общества была в умножении членов и подговоре молодых людей, кои более отличались образованностию. Самое сильное действие общества, кажется, было в Москве // (л. 19) во время пребывания двора, и все волнение происходило оттого, что Александр Муравьев был арестован². После он вышел из общества, и более я уже о нем и не слыхал.

7. Во время моего пребывания в Киеве начальником штаба 4-го корпуса я более нежели когда-нибудь был привержен свободным мыслям, тем более, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила во мне и рвение, и упование³. Я тогда в полном смысле следовал правилу его императорского величества, *ненавидел преступления и любил правила французской революции*⁴. Сей дух свободомыслия⁴, управляющий всею мою перепискою и всеми моими речьми, поддерживал доверенность общества, которому я еще не принадлежал. Тогда я познакомился с некоторыми членами, а именно: с Михаилом Фон Визеном, с Охотниковым и с Пестелем. Что же касается до Астафьева⁵, который командовал Екатеринбургским пехотным полком и принадлежал к 4-му корпусу, я его совсем не знал и членом не почитал. Само собою разумеется, что не будучи членом общества с самого моего выезда из Киева, я никого в общество принять не мог.

8. Проезжающие через Киев члены, о коих я выше упомянул, известили меня о преобразовании первого общества в Союз благоденствия, о существовании нового устава или зеленої книжки и назвали несколько имен⁶. // (л. 19 об.)

9. В 1820 году назначен я был начальником 16-й пехотной дивизии. Проезжая через Тульчин, Фон Визен, Пестель и Юшневский, которого я тут в первый раз увидел, настоятельно просили меня, чтоб я взошел в общество, и, наконец, видя мое упорство, сказали⁷, что *зная все их тайны и имена многих, невеликодушно мне не разделять их опасности*⁸. Я поддался на сию причину и подписал обязательство. Так я взошел в сей Союз благоденствия в июле или августе месяце 1820 года. Тут я прочитал также и устав, который обещан был мне в копии, но никогда не прислан. Я особого поручения, ни занятия никакого не получил⁹.

10. Приехавши в Кишинев, я нашел там Охотникова и вскоре потом явился ко мне майор Раевский (тогда еще капитан), который дал мне знать, что он также член общества¹⁰. Сии два офицера были мне очень полезны, чтоб открывать злоупотребления по дивизии, а особенно во всем том, что касается до благосостояния солдат. Я нашел еще полковника Непенина, также члена общества, посвященного Пестелем, и который тому ни душой, ни телом не виноват¹¹. Других членов об-

* «Je faut distinguer les crimes des principes de la Révolution Française». Paroles de sa majesté l'empereur, prononcées du haut du trône, à l'ouverture de la première diète de Pologne. «Следует различать преступления и принципы французской революции». (Слова его императорского величества, сказанные с высоты трона на открытии первого польского сейма).

¹ Пять строк от слов «Из сего следует, что...» подчеркнуты карандашом.

² Две строки от слов «и все волнение происходило...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Пять строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом.

⁴ Девять строк от начала абзаца отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Три строки от слов «познакомился с некоторыми...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Пять строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁷ Четыре строки от слов «Фон Визен, Пестель и Юшневский...» подчеркнуты карандашом.

⁸ Шесть строк от слов «дивизии. Проезжая чрез...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁹ Три строки от слов «Тут я прочитал также...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

¹⁰ Три строки от слов «майор Раевский...» подчеркнуты карандашом.

¹¹ Четыре строки от слов: «Я нашел еще полковника...» подчеркнуты карандашом.

щества в дивизии не было ни одного, кроме сих трех, и во все время моего командинования не прибавилось.

11. В конце 1820 года я поехал в отпуск сперва в Киев, а потом в Москву. Там я нашел собрание некоторых членов, а именно: Фон Визенов, обоих: Михаила и Ивана, Охотникова, Граббе, Бурцова и Тургенева¹. В Москву я прибыл в начале 1821 года. Кажется мне, что проездом через // (л. 20) местечко Каменку, я познакомил Охотникова с Василем Давыдовым, который тогда же и был принят в общество². Это один член, коего я уговорил и к принятию коего способствовал. Из сего видно, что отъезжая из Кишинева, я еще не имел твердого намерения оставить общество. Оно родилось во мне после и было непоколебимо³.

12. Собранные в Москве члены должны были заняться преобразованием общества, ибо все чувствовали, что в нем нет никакой связи. Они пригласили и меня быть их сотрудником. Мы имели только два заседания. В первом ничего определительного не положили, а во втором я совершенно от всего отказался и объявил, что более членом быть не хочу⁴. На другой день они съехались ко мне меня уговаривать, но все было тщетно, и мы расстались очень сухо. С тех пор⁵ я не видел многих из них и с ними нигде не встречался, а именно: Тургенева, Ивана Фон Визена и Граббе⁶.

13. Вскоре потом я отправился в Киев, куда приехал и Бурцов. Он мне объявил, что общество разрушилось после моего отъезда и поставило последним своим действием уничтожить все акты и бумаги, кои, впрочем, ни в чем другом не состояли, как в копиях устава и в расписках, данных членами при их принятии⁷. Была также какая-то скучная касса, не знаю, в чьем ведении и что из нее сделалось. После Бурцова⁸ приехал и Охотников⁸, который то же самое мне подтвердил. Охотников⁸ был со мной совершенно откровенен, и словам его я мог верить.

14. Так кончилось первое общество, к которому // (л. 20 об.) я принадлежал, в чем и сознаюсь. Общество сие было самое слабое и ничего предпринять не могло. Члены оного, рассеянные по всей империи, без связи, без способов сношения, без положительной цели, собираясь изредка, чтобы обменять пару свободных слов, не имея другого действия, кроме распространения своего числа членов, но и тут не находя людей их понимающих, после трехлетнего труда едва могли дойти до 70 или 80 человек, из коих более половины носили только одно имя члена. Я же в сем обществе был не более 5-ти месяцев, и выход сей был⁹ довольно счастлив, ибо за оным воспоследовало разрушение общества.

Часть вторая.

О втором обществе, коего имени не знаю,
до выезда моего из Киева 1825 года

15. Весь 1821 год стоял я вооруженный на границе турецкой и не имел ни времени, ни охоты входить ни в какие сношения; впрочем, и сих сношений нигде не существовало. Члены разрушенного общества, находящиеся в 16-й дивизии, Непенин, Охотников и майор Раевский¹⁰, все извещены были о разрушении союза и никакого действия не предпринимали. Но Раевский⁸ еще прежде, во время сущес-

¹ Две строки от слов «Фон Визенов, обоих...» подчеркнуты карандашом.

² Три строки от слов «я познакомил Охотникова...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Три строки от слов «из Кишинева, я еще не имел...» подчеркнуты на полях и отчеркнуты на полях.

⁴ Четыре строки от слов «Мы имели только два...» отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB». Три строки от слов «ничего определительного не...» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слово «пор» вписано над строкой.

⁶ Слова «Тургенева, Ивана Фон Визена и Граббе» подчеркнуты карандашом.

⁷ Семь строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом.

⁸ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁹ Слова «сей был» вписаны над строкой.

¹⁰ Слова «Непенин, Охотников и майор Раевский» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

ствования общества, делал несколько попыток, чтобы уговорить некоторых офицеров 32-го егерского полка. Все его труды оставались тщетными, но память слов его сохранилась, и когда ненависть ко мне генерала Сабанеева воспользовалась моим отсутствием и началось следствие¹, то явились // (л. 21) разные доносы на майора Раевского². Все сие описано подробно в судебном его деле, которое давно препровождено в аудиториатский департамент. Но попытки, сделанные Раевским², были неполны и отстояли целым годом от времени доносов, а те, кой доносили, сами не разумели, о чем доносят. Вот почему все сие следственное и судебное дело осталось совершенно темным. Я же, с моей стороны, зная, что общество разрушено, был спокоен, но не дал моей защите той твердости, которую бы дал, ежели бы не опасался, что разрушенное общество будет открыто. Я принял на себя все неудовольствия и решился терпеть, хотя по всему существу дела совершенно был прав. Так я наказан был лишением дивизии, прекращением дальнейших видов службы, гневом покойного государя и четырехлетним нахождением в подозрении за прежнее мое вступление в Союз благоденствия³.

16. Весь 1822 год дело сие тянулось. Я жил в Киеве и ездил в Крым на несколько месяцев⁴. О возрождении общества ничего не слыхал и, кажется, не было. В сей год я познакомился с Сергеем Муравьевым и с Бестужевым. Сего Бестужева с здешними смешивать не должно. Это совершенно особенное лицо, которого все считают бестолковым и которого один Муравьев превозносит гением⁵.

17. В начале 1823 года я узнал чрез Сергея Муравьева, сколько упомнить могу, что 7 или 10 // (л. 21 об.) членов прежнего союза поклялись опять соединиться и действовать в прежнем смысле. Имен сих членов я не знаю, но Трубецкой и Никита Муравьевы были в числе оных. Сергей Муравьев и брат его Матвей еще ни к чему не принадлежали⁶. Они всячески старались вовлечь меня и предлагали сделать особое общество под моим начальством. Они также уговаривали Александра Раевского, брата моего, но видевши неуспех в сем предприятии равно с моей стороны, как со стороны брата, они бросились к Пестелью, который тогда же на юге старался собрать несколько членов и трудился над преобразованием⁷.

18. Едва общество возымело новое существование в сем 1823 году, как началась моя пытка и их старание привлечь меня в оное. На сие употреблен был Пестель, который хотел и не хотел, опасаясь, чтоб мое влияние не уничтожило его собственное. Потом препоручено было сие Василью Давыдову, тогда уже моему дяде, и Сергею Волконскому, кой от всей души, и думая приглашением моим принести величайшую пользу и мне, и обществу, и самому Отечеству, несколько раз и с усилием старались меня склонить. Впрочем, по той же самой причине, что они были близко со мною, кажется, положили себе правилом никаких тайн мне не открывать до тех пор, пока взойду в общество. Это понимается: ибо положение их с прочими членами было деликатно⁸. // (л. 22)

19. Для обольщения меня были употреблены разные средства. 1. Заклинания дружбы и все, что можно только исполнить посредством просьб и договоров. 2. Самолюбие, напоминая, что я первый в России говорил языком свободомыслия и что они без меня как тело без души. 3. Любовью к Отечеству, говоря, что Россия стоит на краю пропасти, что надобно всем честным людям иметь тесную связь, дабы при случае раздался отечественный отголосок. 4. Честолюбием; и для сего устроили так общество, чтоб мне можно было принять место начальника, а именно:

¹ Две строки от слов «и когда ненависть ко мне...» подчеркнуты карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Девять строк от слов «ежели бы не опасался...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁴ Две строки от начала абзаца подчеркнуты карандашом.

⁵ Девять строк от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB». Пять строк от слов «с Сергеем Муравьевым и с Бестужевым...» подчеркнуты карандашом.

⁶ Семь строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом. Пять строк от слов «членов прежнего союза...» отчеркнуты карандашом на полях.

⁷ Шесть строк от слов «Александра Раевского, брата моего...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁸ Пятнадцать строк от слов «как началась моя пытка...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

они разделились на две части, одна в Петербурге под начальством, кажется, Трубецкого и Никиты Муравьева, а другая на юге под начальством Юшневского и Пестеля. Место же общего начальника предлагали мне, и сие обстоятельство есть единственное положительное понятие, данное мне об обществе¹. Когда же увидели они, что некоторое из сих средств не может поколебать твердого моего намерения, то начались укоризны, и я вдруг очутился в опале. Тогда распустили слух, что я совершенно переменился, что женитьба отклонила меня от всех благородных мыслей, что я нахожусь в зависимости у брата Александра Раевского, которого почитали себе врагом и по делу. Тогда все мои мысли, мнения, теории казались слабыми, робкими, принужденными и пр[очее]. Само собою разумеется, что всякая доверенность исчезла в конце // (л. 22 об.) сего 1823 года, и едва ли с некоторыми из них, как-то: с Давыдовым и Волконским, остались некоторые сношения дружеские².

20. В таковом положении мне тайн общества знать было невозможно. Существование оного было известно; ибо без того нельзя было и приглашать меня в оное. Одно из положений, то есть разделение³ на две части или отрасли, также мне было доверено; но других тайн я никаких не знал, кроме того, что мог извлечь из общих разговоров насчет политических предметов. Тогда заметил я в теориях их и в духе большую перемену⁴. Например, книга Destutt de Tracy «Commentaire sur l'Esprit des Loix»⁵ была для них высшей степенью премудрости; конституция английская казалась им чрезвычайно тяжкою для народа и согласовано с пользою одной аристократии; французская хартия была для них не что иное, как лоскуток бумаги, бесполезный для граждан; но зато американский федерализм, гишпанские происшествия, неаполитанская революция играли большую роль во всех их разговорах. Они, казалось, отвергали силу обстоятельств и постепенность дарованных прав, а руководствовались одною только умозрительною теорией, не признававшею никаких оттенок в различии нравов и обычаев народных. Я помню еще, как они все на меня восстали за то, что Riégo⁶ был дурак и что его нечего жалеть. Это было за обедом⁷ // (л. 23), где было много и посторонних людей. Ибо все, что я теперь сказал, не говорилось наедине и под видом тайны, но публично, в общих разговорах, на улице, в театре, словом, везде. Так что вскоре, заметив их заносчивость я прекратил все с ними споры, ибо не было ни одной мысли схожей между нами. Ежели б правительство имело одного только умного наблюдателя в оном крае, то оно могло бы по сим одним приметам определить, кто принадлежит или не принадлежит обществу⁸.

21. Показав, как я отделился от них не только отказом вступить в общество, но и самым образом мыслей, покажу еще, что встречи наши были очень редки. В Киеве не было ни одного члена, там обитающего; Фурнье⁹, [на] которого пали также подозрения, совершенно не виновен и с ними не вел ни малейшего знакомства и едва ли знает о существовании общества. Около Киева жили Сергей Муравьев и Бестужев, странная чета, которая целый год¹⁰ друг друга хвалила наедине¹¹, но Бестужев с самого начала так много наделал вздору и непристойностей, что его

¹ Восемнадцать строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Пятнадцать строк от слов «Когда же увидели они, что...» подчеркнуты карандашом. Двенадцать строк от слов «начались укоризны, и я вдруг...» отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB».

³ Три строки от слов «знать было невозможно...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Страна со словами «я в теориях их и в духе большую перемену» отчеркнута на полях карандашом.

⁵ Детю де Траси «Комментарии к "Духу законов"» — (франц.).

⁶ Слово «(Riégo)» вписано над строкой.

⁷ Пятнадцать строк от слов «конституция английская казалась им...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁸ Одиннадцать строк от слов «где было также много и посторонних...» подчеркнуты карандашом. Пять строк от слов «Ежели б правительство имело...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены тремя восклицательными знаками.

⁹ Фамилия подчеркнута карандашом и отчеркнута на полях.

¹⁰ Слово «год» вписано над строкой.

¹¹ Слово «наедине» вписано над строкой.

никто к себе не принимал, а Муравьев, обиженный за своего друга, перестал ездить и даже кланяться. Волконский жил в Умани и редко ездил. Василий Давыдов приезжал на контракты и занимался делами. Юшневский ездил на торги и лишней минуты не имел. Повало-Швейковского, Тизенгаузена, Баря// (л. 23 об.) тинского я видел раза четыре во весь мой век. Пестель¹ приезжал также к контрактам и во все время едва один раз ко мне заедет. Я же с моей стороны к ним никогда не ездил, кроме к Волконскому, когда он уже женился, и к Василью Давыдову проездом в Одессу. Трудно ли после сего поверить, что наши свидания были весьма редки и становились еще реже от времени до времени. Других же членов общества, приезжавших в Киев, я не припомню².

22. Весь 1824 год был для меня спокоен, и я казался избавленным от их преследований. Одно только обстоятельство здесь помешу. В начале сего года вдруг входит ко мне Бестужев и, взявши в сторону, говорит: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения»³. Я прервал его речь и сказал ему: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы нерусский, прощайте». Он вышел, и вот единственное обстоятельство, по которому я могу судить, что общество имеет некоторую связь с поляками. Кто были сии поляки, спросить не успел⁴. Сделал ли это Бестужев от собственного своего побуждения или имел на то поручение, также не знаю. Но уверяю, что ежели б мог что-нибудь сказать, то готов всех поляков связанных притащить на ответ⁵. Впрочем никто по сemu предмету более сведений дать не может, как сам Бестужев, Повало-Швей// (л. 24) ковский и Тизенгаузен, кои все расположены квартирами у поляков и с ними в тесной дружбе⁶.

23. В 1825 году приехал Трубецкой, и как он стал часто меня посещать, то я, привыкший к пытке и к обороне, думал, что он тоже станет меня склонять к вступлению в общество. Но он ничего не говорил, кроме о общих предметах, и сие меня немало удивило. Потом я уже понял, что описание моего отпора дошло из Киева в Петербург, и, ежели все бумаги членов захвачены, я надеюсь, что в них самих найдут доказательство, что я к обществу не только не принадлежу, но в смысле их⁷ и принадлежать не должен. У Трубецкого вскоре поселились почти без выхода Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым. Всякий раз, что я приеду, то они обыкновенно встанут и выйдут в другую комнату, делая только самую необходимую вежливость не мне, а мундиру моему⁸. Вскоре потом я уехал на дачу, а оттуда в Крым и в Москву.

24. Но зачем, не принадлежа обществу, будучи даже в недружеском положении со многими членами оного, видя, что всякий день⁹ заносчивость их умножается, почему я о сем не донес правительству? Ответ на сей вопрос довольно затруднителен, но постараюсь сколь возможно удовлетворить требование. Сперва замечу две вещи. 1. Что, ежели это преступление, то оно уже гораздо менее сообщничества, и 2. Что сей вопрос может быть предложен тысяче других // (л. 24 об.) лиц, коим они с обыкновенною своею опрометчивостью делали, вероятно¹⁰, то же предложение и получали тот же отказ. Я не виновнее сих последних; напротив того, мне надобно

¹ Тринадцать строк от слов «Около Киева жили Сергей Муравьев...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Пять строк от слов «Василью Давыдову проездом...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Слова «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения» отмечены на полях знаком «NB».

⁴ Двенадцать строк от слов «В начале сего года...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

⁵ Три строки от слов «Но уверяю, что ежели б...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях тремя восклицательными знаками.

⁶ Девять строк от слов «Сделал ли это Бестужев...» отчеркнуты на полях карандашом. Три строки от слов «как сам Бестужев...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слово «их» вписано над строкой.

⁸ Семь строк от слов «но в смысле их и принадлежать...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁹ Слово «день» вписано над строкой.

¹⁰ Слово «вероятно» вписано над строкой.

было обороняться от дружеских нападений, что всегда трудно, и сим я, кажется, более заслужил похвалы, чем осуждения. Но приступаю к самому вопросу¹.

Во-первых: что бы я донес? Что существует общество; но правительство неужели сего не знало? Как мог я вообразить, видя их неосторожность, их запальчивость, зная, что день ото дня правительство делалось мнительнее, подозревая, что не только их поступки, но и мои все записаны и известны; как, говорю, мог я вообразить, что все их действия, все их съезды, сношения не совершенно известны, и какая мне тогда была нужда прибавлять мои донесения ко всем сведениям, со-бранным тайно полициею²?

Во-вторых: я тайн их не знал, не предполагал отнюдь, что они готовились к действию. Доносить ли мне было о их разговорах публичных? Но для сего есть определенные люди. О их метафизическо-политических бреднях? Но сие не стоит, или, по крайней мере, тогда казалось мне не стоящим никакого внимания. Теперь легко сказать: «Должно было донести», ибо все известно, и преступление совершилось. Но тогда не позволительно ли мне было, по крайней мере, отложить на некоторое время донесение? Но к несчастию их, обстоятельства созрели прежде их замыслов и вот³, // (л. 25) отчего они пропали. Я же, ежели б и имел намерение доносить, никакой непременной нужды не видал спешить донесением⁴, ибо они не в состоянии были ничего предпринять при жизни покойного государя⁵.

В-третьих: с другой стороны, видя нелепость их теорий, запутанность их мыслей и соображений политических, в коих не было ни складу, ни ладу, зная ничтожное действие прежнего, мною разрушенного, общества и что те же почти члены составляют новое, не мог ли я заключить, что чад их переворотных мыслей также рассеется, как рассеялся чад филантропических порывов первого общества? Что все обойдется без всякого действия и кончится одними пустыми словами? Я ошибся, но сия ошибка тем более мне простительна, что я собственным опытом знал, как трудно составить и как легко разрушить тайное общество в России⁶.

В-четвертых: но когда мне было доносить? «С самого начала», — отвечают мне. А ежели я это и сделал или хотел сделать, но остановлен был на первом шагу? Вот обстоятельство. В 1823 году я написал к начальнику штаба письмо, с коим сам хотел явиться в Тульчин, когда покойный государь осматривал 2-ю армию. Сие письмо, касающееся до моего дела по дивизии, кончалось сими словами: «Государь узнает более в полчаса разговора со мной, чем посредством всех происков и кружных донесений». К несчастию узнал я, доехавши за несколько миль до Тульчина, // (л. 25 об.), что ежели туда приеду без спроса, буду неминуемо выслан. Я послал копию оного к брату моему в Петербург. Он читал ее генерал-адъютанту Дибичу, и письмо осталось без ответа. Я не говорю, чтоб я точно и твердо намерен был все открыть государю, но ежели б нашел от его императорского величества тот прием, коего сердце мое и чувства были достойны, конечно бы, не вытерпел и известил его о существовании тайного общества⁷.

В-пятых: после сего мне ничего не оставалось делать, как молчать. Меня перестали мучить, чтоб я вступил в общество; я уверен был, что рано или поздно их собственная неосторожность должна их погубить и что все дело их кончится на одних только рассуждениях и разговорах; я молчал. Приезд генерала Гертеля в Киев, где он основал главную квартиру своих розысков, еще более мне дал спокойствия духа, и я истинно полагал, что сей последний не имел другого предмета, как надзирать за действиями⁸ членов общества.

¹ Шестнадцать строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом. Тринадцать строк от слов «Ответ на сей вопрос довольно...» подчеркнуты карандашом. Последние пять строк от слов «Я не виновнее сих последних...» отмечены на полях тремя восклицательными знаками.

² Весь абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен восклицательным знаком.

³ Двенадцать строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены восклицательным знаком. Две последние строки от слов «Но к несчастию их...» подчеркнуты дважды карандашом.

⁴ Слова «спешить донесением» вписаны над строкой.

⁵ Четыре строки от слов «отчего они пропали...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен восклицательным знаком.

⁷ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен двумя восклицательными знаками.

⁸ Первоначально было: «действия».

Вот причины моего молчания. Прибавьте к тому отвращение, которое каждый честный человек имеет от доносов, существование в союзе некоторых членов, коих любил, не взирая на их мнения, и, наконец, мое собственное сомнительное положение, которое заставило бы думать, что я доношу не из // (л. 26) любви к Отечеству и порядку, но из личных выгод, и вы найдете все причины, кои заковали во мне слово и удержали руку¹.

Передавая все сие на рассуждение, желаю только одного, чтоб судили о моем поступке не с нынешней точки зрения, но перенесясь воображением в то время, когда никакой замысел не мог быть ни в помышлении зачинщиков, ни в естественной возможности².

Часть третья.

О событиях в Москве до моего ареста

25. Приехавши в Москву около сентября, я вел жизнь уединенную и занимался сочинением, которое намерен был представить правительству. Я надеюсь, что ежели начало оного, находящееся в забратах у меня бумагах, удостоится воззрения его императорского величества, оно³ докажет, что правила мои далеки от всякого мятежнического покушения. Конечно, это не есть доказательство существенное, но те, кои занимались долгим трудом, над коим напряжены были все силы их ума, знают, что невозможно писать одно и думать и чувствовать другое, особенно тогда, когда сочинение должно представить нечто целое в основании и последствиях.

26. Кажется, в октябре приезжал ко мне Никита Муравьев⁴. Вот существо нашего разговора, который, впрочем, был короток. Он мне сказал, что я всеми уважаем и что он уверен, что я сохранил все прежние мои мысли. Я ему отвечал, что я все тот же, что и был. Он у меня спросил, не намерен ли я опять // (л. 26 об.) просить действительной службы? Я ему отвечал, что обстоятельства мне сего не позволяют. Он мне сказал, что обстоятельства общие делаются всякий день смутнее, что государь намерен поселить гвардию, что ежели к сему приступят, гвардия взбунтуется, а я ему отвечал, что ежели это и правда, то поселение будет делаться по полкам и, следственно, возмущения быть не может. Тут наш разговор был прерван, и после я его не видел до 8 ноября, в который день, возвращаясь уже назад в Москву, он у меня обедал со многими посторонними людьми и говорено ничего не было⁵.

27. Вскоре потом получили известие о кончине государя и присягали цесаревичу Константину Павловичу. Все обошлось тихо и мирно.

28. Потом вдруг по целой Москве раздался слух, что духовная покойного государя разделяет Россию на две части, из коих одна под названием империи отходит к его императорскому величеству, а другая, составленная из Королевства Польского, русско-польских провинций и Курляндии достается его императорскому высочеству Константину Павловичу, долженствующему принять на себя титул короля польского, и чтоб довершить, еще прибавляли, что сия духовная утверждена подписью членов Священного Союза. Сие известие поразило и меня, и⁶ всякого русского, и в первый раз, может быть, в моей жизни я почувствовал, что присяга может сделаться бремнем. Я тем более сему обязан был верить, что еще // (л. 27) в 1817 сам слышал от покойного государя, что разделение Польши противно чести и выгодам России. Но тяжкое сие положение недолго продолжалось. Вскоре узнали, что не только весть сия несправедлива, но что завещание заключает в себе совсем противное расположение. Иные говорили, что этого быть не может, ибо сам ныне царствующий государь присягал цесаревичу, и они были правы. Другие же приписывали уничтожение сей меры благодетельному влиянию ее императорского

¹ Пять строк от слов «мое собственное сомнительное...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены восклицательным знаком.

² Пять строк от слов «одного, чтоб судили о моем...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³ Слово «оно» вписано над строкой другими чернилами.

⁴ Слова «Кажется, в октябре приезжал ко мне Никита Муравьев» подчеркнуты карандашом.

⁵ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом.

⁶ Слово «и» вписано над строкой.

величества императрицы Марии Федоровны. Но все радовались и благословляли судьбу, что отвратила от России такое несчастье. По всему кажется, что сия гибельная весть не была выдумана и распущена нарочно бунтовщиками, ибо она одним разом разнеслась по целому городу и была известна начальникам столько же, сколь и простым гражданам. Однако не худо справиться, откуда сия весть пришла: или из Петербурга в Москву, или из Москвы в Петербург. В первом случае подозрения могут пасть на мятежников¹.

29. 17 декабря в собрании дворянства известно было, что его императорское величество Николай Павлович вступил на престол. Говорили также о возмущении, о смерти генерала Милорадовича и покушении бунта. Я все это узнал за обедом у графини Орловой, где я жил. Чрез несколько часов все сии известия подтвердились приездом генерал-адъютанта Комаровского, и я тогда же сказал графине и жене: «Вы увидите, // (л. 27 об.), что тут замешаны кто-нибудь из моих старых знакомых, и я от сего пострадаю». Я отгадал. Вечером приехал Михаил Фон Визен и показал письмо от 12 декабря, писанное на имя, мне неизвестное, кажется, без подписи, но которое я приписываю Пущину. Я его едва пробежал и скег собственными руками. Разговору не было почти никакого, и мы расстались².

30. Содержание письма, сколько помню, есть следующее, вначале:

«Когда вы получите сие письмо, все будет решено». Из сего я заключаю, что уже 12 числа они были готовы к действию и более извещали о том, что предпринимают, чем просили содействия.

«Мы всякий день вместе у Трубецкого (или с Трубецким, не помню) и много работаем». Тут определено место, где было их сходище. Что же касается до работ, то, кажется, в письме не сказано. Должно полагать, что они сочиняли или конституцию, или манифест, или что-нибудь тому подобное.

«Нас здесь 60 членов». Вот число бунтовщиков, ими самими определенное до 12 декабря. Это число 60 я как будто вижу и теперь собственными глазами.

«Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна соблюдаться». За слова не ручаюсь; но смысл точно тот. Сие доказывает, что солдаты были жертвами простого обольщения для произведения мятежа, коим можно бы было воспользоваться для даль// (л. 28)нейших предприятий. Тут удивительно только то, как они могли решиться с такими скучными средствами; но следующий параграф решит сию задачу.

«Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов». Следственно, вот и побудительная причина. Они так себя друг друга настроили и взволновали, что воздержаться от преступления им казалось почти преступлением³.

Во всем этом я не вижу, чтоб бунтовщики были кем-нибудь поддержаны, кроме собственных своих страстей, разъяренных до сумасшествия. Но чтоб доказать, что я говорю правду, и ничего из того, что письмо содержало и что помню, не утешаю, прибавлю, что при окончании было сказано: «Покажите сие письмо Михаилу Орлову». Я чувствую, что сии слова навлекают на меня сильное подозрение, но я их нарочно помещаю, чтоб они служили залогом искренности моей. Не щадя себя, кого буду щадить⁴?

31. 18 декабря присягали его императорскому величеству государю Николаю Павловичу. Истина уже всем была известна.

32. 19-го или 20-го поутру вдруг явился ко мне Ипполит Муравьев и сказал, что он привозил письмо от Трубецкого, в котором он приглашал меня в Петербург, но письмо им разорвано и сожжено⁵.

¹ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом. Девять последних строк от слов «По всему кажется, что сия...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

² Шесть строк от слов «Вечером приехал Михаил Фон Визен...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Текст от начала пункта 30-го отчеркнут карандашом на полях.

⁴ Пять строк от слов «Покажите сие письмо Михаилу...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁵ Текст от начала пункта 31 отчеркнут на полях карандашом. Пять строк от начала последнего абзаца подчеркнуты карандашом.

33. Я чувствую, что сие письмо Трубецкого есть самая та причина, по которой я получил повеление¹ // (л. 28 об.) приехать в Петербург и отдать отчет в моем поведении, и что сопряженное с тем письмом Пущина, о котором я сам донес и на существование которого не было никаких доказательств, мое обвинение приемлет еще вящую важность. Так, я был приглашаем одним членом общества к приезду, а другой препоручил² меня известить о том, что должно произойти. Но что это доказывает? Мою важность или их заблуждение³?

Во-первых. В письме Пущина сказано: «Покажи Орлову». Но этот самый Пущин, препоручающий меня известить, был ли у меня при отъезде? Говорил ли со мною? Дал ли я ему или препоручение, или совет? Почему он знает образ моих мыслей? Какую могу я ему принести пользу? На что он считал? На содействие мое в Москве, но какие там были у меня средства? На прибытие мое в Петербург; но он сам сего не требует? Сии строки тем более должны были меня удивить, что я и понятия о Пущине никакого не имел, что я его никогда не видел, никогда с ним не говорил⁴.

Во-вторых. Письмо от 12 декабря, и там сказано, что они готовы к действию и что 1000 солдат обольщены. Следственно, и само действие началось гораздо прежде. Зачем же, ежели я член их союза и сотрудник в преступлениях, зачем прежде меня ни о чем не известили? Зачем не известили меня ни о цели, ни о средствах, а только приглашают к одному исполнению? Заговор делается, солдаты обольщаются, члены сочиняют манифести, раздают заблаговременно // (л. 29) места и почести, соображают обстоятельства, назначают жертвы, а мне не дают ни малейшего известия. Отчего, ежели я действительно член их общества, отчего я не получил ни малейшего известия от 27⁵ ноября до 12⁶ декабря⁶?

В-третьих. Но письмо Трубецкого? Тот же самый ответ, что и на письмо Пущина, с тем только прибавлением, что Трубецкой знал меня и мои правила и, следственно, не от неведения, но от умысла хотел меня погубить. Одно из двух: или письмо было написано наобум, то есть: приедет — хорошо; не приедет и без него обойдемся; или с намерением мне отомстить за то, что в течение 4-х лет я совершенно от них отдаился. Пусть прикажут расспросить Свищунова, каким он был подвержен угрозам 13 декабря, в тот же день, как и мне послано письмо Трубецкого. Я сие обстоятельство случайно узнал, будучи уже под арестом, от московского обер-полицеймейстера⁷.

Другого разрешения сей несчастной для меня задачи дать не могу и признаюсь, что сие обстоятельство крепко бы меня огорчило и сокрушило бы сердце мое, ежели б я не вспомнил, что когда явился к его императорскому величеству, последнее письмо было уже известно государю и не возбранило ему принять меня отцом более, чем судьею⁸. // (л. 29 об.)

Часть четвертая.

Заключение

34. *Не имели ли члены сего общества связи с поляками?* Все, что знаю по сему предмету, объявлено в 22 пункте.

35. *Не имели ли связи с иностранными обществами?* Не знаю и не полагаю, разве через посредничество поляков. Я помню, что давно уже мне кто-то, только не член

1 Две строки от начала абзаца подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

2 Слово «препоручил» вписано над строкой.

3 Девять строк от слов «приехать в Петербург и отдать...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

4 Двенадцать строк от начала абзаца отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

5 Дата подчеркнута карандашом.

6 Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

7 Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом. Последние шесть строк от слов «Пусть прикажут расспросить...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

8 Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB». Две последние строки от слов «и не возбранило ему принять...» подчеркнуты карандашом.

общества, сказывал, что будто его величество король прусский уведомлял покойного государя о переписке русских с итальянскими карбонариями и что сия переписка была перехвачена в Пруссии. Но я думаю, что это касается более до университета дерптского и студентов немецких, чем до сего общества. Более ничего не знаю¹.

36. *Не имели ли связи с иностранными посланными?* Совершенно не знаю ничего².

37. *Не было ли связи с какими-либо важными лицами российского государства, кои могли им обещать деятельную подпору?* Я с самого начала понял, что сие подозрение тяготит сердце его императорского величества и что все его старания должны быть приложены на открытие тех лиц, коих можно почитать первыми и опаснейшими бунтовщиками. Как подумать, по истине, что несколько молодых людей без славы, без известности, без средств денежных, без опытности были сами и начальниками, и орудием бунта. Что их никто не поддерживал, никто им не давал ни денег, ни советов, ни надежд? Но сколь сия мысль ни естественно приходит на разум, сколь ни чудесна решимость // (л. 30) их действовать без подкрепления и почти без всякой надежды, сколь ни желал бы истинно от всего сердца открыть тех, кои были или пружиною, или подпорою целого, должен сознаться, что никаких следов на то не нахожу, и вот мои причины. 1. Письмо Пущина ясно показывает, что членов не более 60, а солдат не более 1000, что сии последние спорят³ только о присяге одному или другому из великих князей. Сии средства суть весьма скучные, и едва ли кто-нибудь из высших лиц решился с ними вместе действовать с оными. 2. Но, может быть, он совсем о средствах и не спрашивал? Возможно ли принять таковое предположение, и какое будем иметь понятие о рассудке такого человека? Кто из них может решиться действовать по такой записке, какую мне писал Трубецкой в Москву? 3. По слухам, дошедшем до меня уже здесь или в Москве после происшествия, цель их была так ужасна, что, кажется, никто не мог решиться их поддерживать кроме их самих, посвятивших себя на таковые злодейства. 4. Предположение общей вольности, распускание армии суть также меры, несогласные с малейшей искрой рассудка. Кто из отцов семейства, кто из государственных людей, кто из русских решится на сие, кроме тех, кои, несколько лет возбуждая свои страсти, довели, наконец, себя до политического сумасшествия? Судя по предприятию, по средствам, по намерениям, я уверен, что самые перехваченные их акты суть верх безумия, и кого можно подозревать, чтоб таковые дела были бы им поддержаны? 5. Наконец, возможно ли⁴ мне лично себе представить⁵, // (л. 30 об.), что употребляя все средства для моего обольщения, никто из них не признался мне, что они поддержаны сильною рукою? Я же, с моей стороны, даю честное слово, что такого признания, даже безымянного, не было⁶.

Все сие соединенное вместе доказывает мне очевидно, что они действовали отдельно от всякого внушения свыше и что ежели были у них какие-либо покровители, то сии взошли с ними в сношение весьма поздно, после 27 ноября и даже после 12 декабря, числа письма Пущина, в коем я не помню, чтоб одно слово о сем было сказано. Да и сие я говорю противно собственному моему уверению и уважая те, конечно, важные причины, кои побудили его императорское величество объявить мне о таковом его мнении. Как бы я счастлив был, ежели б я мог только разодрать сию завесу и дать одним словом спокойствие государю и отечеству⁷.

¹ Текст от начала пункта 34-го отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

² Текст под пунктом 36 отчеркнут на полях карандашом.

³ Слово «спорят» вписано над строкой вместо зачеркнутого «знают».

⁴ Слово «ли» вписано над строкой.

⁵ Текст от начала пункта 37-го отчеркнут на полях карандашом.

⁶ Пять строк от слов «что употребляя все средства...» отчеркнуты на полях карандашом. Три строки от слов «Я же, с моей стороны...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом. Тринадцать строк от слов «что они действовали отдельно...» подчеркнуты карандашом.

Всемилостивейший государь!

Я невинен. *Nem*; я не был членом общества. Чтоб доказать, что я действительно был таковым, конечно, для вашего правосудия должно иметь больше доказательств, нежели слова и ложные обвинения бунтовщиков. // (л. 31)

Но я ищу, государь, не только того, чтоб быть правым перед буквою закона, но и пред совестью вашею таким образом, чтоб ни малейшего подозрения на мои намерения, ни малейшего пятна на имени моем не осталось.

1. Кто меня принимал в общество? Те, коим препоручено было сие дело, сами скажут о своем неуспехе. Ежели я отказал дружбе, родству, честолюбию, на какие причины я мог согласиться? Но, говорят, это одна только игра слов; и у них никаких обрядов принятий не было, и все зависело от данного слова. Согласен. Но кому я слово сие дал? Пусть он назовется, и пусть приведут его на личную со мной ставку.

2. Но, может быть, и найдется такой дерзкий обманщик, который скажет, что он меня принял в общество, сего еще мало. Пусть известит, когда, в каком месте, кому о сем он объявил, от кого на сие получил позволение? Какие давал мне повеления и я их исполнял? Какие препоручил дела и я их обделывал? Куда посыпал и я ездил? На каких съездах я присутствовал? О чем было говорено и какое было мое мнение? Тогда // (л. 31 об.) только доказано будет, что я действительно член общества, но я сего не боюсь.

3. Сходно ли с рассудком, чтоб я отказал место начальника и сделался простым членом? В тайных обществах, которых действие всегда сопряжено с личною опасностию, тот, который дает направление, имеет много выгод и ими жертвовать не легко. Но я сие сделал из усердия. Положим, что глупо мое усердие было так велико, что я пренебрег выгодами начальства и ополчился рядовым членом. Но неужели после сего отвержения мое усердие вдруг прекратилось и не оставило следов? Неужели я также уже мало одарен природою, что они не дали мне сказать ни одного слова, ниже подать одного совета, ниже написать одной бумаги, ниже иметь малейшего влияния? Но положим еще и то, что я ни к¹ чему не способен по делам и по распоряжениям, другие следы ревности и усердия моего должны остаться. Я кого-либо принял в общество? Кого-либо познакомил с членами онного? Ежели и сего я не мог сделать, надобно признаться, что // (л. 32) никто кроме их² такого дурного понятия о мне еще не имел.

4. Но многие на меня ссылаются. Они могут ссыльаться затем, чтоб запутать дело, вмешать в оное честных людей, прибавить себе благородства и важности, дать понять, что после их останутся мстители. Сия тактика небезызвестна во всех заговорах и тайных обществах.

5. Они могут также сделать таковое показание из одного мщения за то, что отказался от сообщничества. Кто может ручаться, что они между собою не сказали: «Орлов не хотел быть с нами, то он нас узнает и в успехе и в неудаче».

6. Нет ли тут обмана и не называли ли меня нарочно, чтоб умножить число членов в последнее время? Мое же несчастное и сомнительное положение придавало каждому их слову в сем смысле некоторую вероятность.

Все сии причины должно взвесить // (л. 32 об.) на весах правосудия, и тогда, сличивши все оные с описанными мною обстоятельствами, мой рассудок с сумасшествием их предприятия, всю жизнь добродетельного человека с злодейством их намерений, всякий судья, надеюсь, скажет: «*Nem*, Орлов не причастен к злодейству; *nem* он не член сего общества».

Государь, вы мне приказали сказать истину — вот она.

Вы мне позволили надеяться на вас, что вы будете сами моим защитником. Государь, надеюсь, на бога, на вас и на мою невинность.

Вашего императорского величества верноподданный
Михаил Орлов³ // (л. 33)

Сего 4 января 1826 года
г. С[анкт]-Петербург

¹ Слово «к» вписано над строкой.

² Слово «их» вписано над строкой.

³ Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно.

В высочайше утвержденный Тайный комитет.

Генерал-майора Орлова I-го

Дополнительное показание

Вследствие повеления оного Комитета от 9 января 1826 года честь имею до-
нести:

1. Точно вспомнил, что капитан Муравьев говорил мне о намерении *кого-то* покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора; но говорил, не называя имени и утверждая, что всякая опасность прекратилась.

2. Что сие его объявление украшено было разными невероятными обстоятельствами, а именно: как будто общество вдруг и не ожидая того нашло *вне себя* человека (а не члена, так как показано в повелении Комитета), который из личной *ненависти* (а не по побуждению общества) хотел посягнуть на жизнь покойного государя; будто, узнавши сие, многие члены (коих также не называл) хотели с сим злодеем драться до смерти; будто другие намерены были сами // (л. 33 об.) донести о сем правительству; будто, наконец, всякое опасение миновалось, ибо взяты меры удалить сего злодея. Оставляю на разрешение оного Комитета, должен ли я был взять за истину объявление такого рода, не гласящее ни о имени, ни о звании злодея, сопряженное с невероятными обстоятельствами, упоминающее в одно время и о опасности и о прекращении опасности? И не мог ли я почесть все сие вымысленным единственно для того, чтобы доказать мне, что обстоятельства всякий день делаются смутнее и что пора мне взойти в общество и взять главное над оным управление? Я сему последнему² тем более поверил, что весь разговор клю-
нился к обольщению меня.

3. Что ж касается до того, почему я о сем не объявил начальству и не взял никаких мер для предупреждения умышленного зла, то кончина его императорского величества преградила к оному всякий путь, и сия кончина не только всякое опасение во мне должна была унич// (л. 34) тожить³, но совершенно изгладила из памяти моей сие обстоятельство, которому я никогда не верил, так что, я вспомнил о нем только при получении повеления от Комитета. И вот почему я не объявил о сем в первом моем показании, ибо Комитет благоволит заметить, что я не имел никакой личной выгоды утаивать сего, а напротив, самопроизвольное показание облегчило бы мою участь.

4. Теперь, когда злодейское сие намерение кажется по показанию капитана Муравьева совершенно доказанным, я должен сознаться, что не прощаю себе мою недоверчивость к его словам; но тот, который знает, что ложь и обман для потрясения общего спокойствия суть одни из главнейших орудий всякого тайного общества, поймет легко мое пренебрежение к известиям, полученным от такого источника.

5. Сколь я сообразить могу, то человек, имевший сие злодейское намерение есть не кто иной, как Якубович, коего, хотя // (л. 34 об.) никогда не видел и не имел с ним ни малейшего сношения, знаю за человека, презирающего жизнь свою и готового оною жертвовать во всяком случае; но твердо стою в том, что Муравьев мне имени сказать не хотел, что и послужит вящим доказательством, что он сам членом общества меня не почитал, а говорил, напротив того, в одном намерении сими полудовериями пригласить меня к обществу.

Генерал-майор Орлов I-й⁴

Сего 10 января

1826 года

г. С[анкт]-Петербург // (л. 35)

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, помета карандашом: «Читано 11 января», чернилами: «Стр[аница] девятая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот].»

² Слово «последнему» вписано над строкой.

³ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] десятая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот].»

⁴ Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно.

№ 10 (6)¹

Дополнение к бумаге, поданной мною 10 января 1826 года в высочайше утвержденный тайный Комитет

Все обстоятельства, кои я описал в моей бумаге, совершенно справедливы, начиная с того, что и как мне говорил капитан Муравьев, и кончая с того, что сия часть нашего разговора совершенно изгладилась из памяти моей до получения по-веления Комитета.

Как это ни странно, но это истина. Причины же другой придумать не могу как тому, что кончина его императорского величества вскоре последовала за сим разговором.

Но ежели бы я вспомнил о сем при писании первого моего показания, то не-пременно бы объявил, ибо сие обстоятельство, как оно на первый взгляд и не ка-жется предосудительным, может при подробном рассмотрении обратиться в мою пользу. // (л. 35 об.)

Легко Комитету увериться, что все обстоятельства рассказаны справедливо, что посягавший на жизнь государя был вне общества, а что члены оного готовы были жертвовать собою для спасения оной. Так-то сии люди, зная, что ни сердце мое, ни совесть, ни руки не могут посягнуть на злодейство, старались представить себя в виде даже защитников более, чем возмутителей, и тем ослепить и обольстить меня.

С другой стороны, они уверяли, что негодование так велико, что не могут ни за что ручаться и извлекали оттуда необходимость иметь человека, который мог бы ими руководствовать.

Все сие, соединенное вместе, докажет Комитету, что в том положении, в коем я находился, я должен был быть ими повсеминутно обманутым и насчет их наме-рений и желаний, и насчет их повествований и рассказов. Также, что мне // (л. 36) ни-чего² другого не оставалось делать, как находиться в совершенном недоверии и как можно более и более отклоняться от их знакомства. Я то и делал, но к несчастию обстоятельства решили их на такие дела, кои ни я, ни кто не мог предвидеть.

Генерал-майор Орлов I-й³

Сего 10 января 1826 года

г. Санкт-Петербург

в 10 часов вечера // (л. 37)

№ 11 (7)⁴

В высочайше утвержденный тайный Комитет.

Генерал-майора Орлова I-го

Донесение

На повеление высочайше утвержденного тайного Комитета от 12 января 1826 года честь имею донести:

1. Где существует Тайное общество русских рыцарей, когда возымело свое начalo и кем именно основано?

Такового общества не существует. Оно есть то же самое, о котором я в пока-зании моем доносил, что имел намерение составить вместе с графом Мамоновым тайное общество, коего и цель там же определена; но что впоследствии сие наме-рение не состоялось и общество составлено не было.

2. Какая цель и намерение сего общества, какими средствами полагали достичь цели своей?

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы чернилами: «Стр[аница] тринадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

² Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] четырнадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

³ Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно. На обороте листа 36-го текст, напи-санной рукой М.Ф.Орлова: «В высочайше утвержденный тайный Комитет. Нужное. От г[ене-рал]-м[айора] О[рлова]».

⁴ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы карандашом: «Чит[ано] 13», чернилами: «Стр[аница] семнадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

Цель была двоякая, что и явствует из моего показания; сперва хотели противиться злу лихоимства в России, и в сем первом виде устав общества должен был быть представленным на утверждение его императорского величества; // (л. 37 об.) потом противопоставить русское тайное общество предполагаемым польским, и тогда уже на утверждение государя поступить не могло.

3. Кто именно члены сего общества?

Никто, ибо не возымело действия. Разве можно назвать членами Мамонова и меня, и еще Николая Тургенева, которому я о сем говорил в 1817 году, но который тогда нашел мысль сию неисполнительной.

4. С какими другими обществами оное имеет сношения?

Ни с какими; ибо не существует.

5. На каких правилах или законах общество составлено?

Сколько могу вспомнить, были составлены, или лучше сказать, начаты три градуса принятия, совершенно масонические, выбранные частию из «Духовного рыцаря», а частию из статутов храмовничества обыкновенного. Сии три градуса имели некоторую постепенность и давали чувствовать, что тру// (л. 38)дами¹, повиновением и приверженностью неофит может со временем узнать цель сего ордена, что масонические предметы не входят в состав сих занятий и что масоны суть не что иное, как раскольники тамплиерства или ордена храмовников. Вот, сколько помню, все, что содержалось в сем проекте. Кроме сего был еще составлен устав, совершенно подобный уставу тамплиеров. Все, что у меня было по сему предмету, предано забвению и огню с 1818 года.

В заключение имею честь положительно уверить Комитет, что такового общества или Ордена русских рыцарей в России не существует. Ежели же предание оного осталось — это оттого, что когда меня приглашали в Союз благодеяния^{**}, я часто из одной отговорки утверждал, что принадлежу другому Обществу русских рыцарей.

Генерал-майор Орлов I-й²

Сего 13 января 1826 г[ода] // (л. 39)

* Сей «Духовный рыцарь» есть сочинение, кажется, Ивана Владимировича Лопухина. Он печатный и находится у всех книгопродавцов.

** Первое общество, коему я принадлежал, как следует из моего показания.

№ 12 (8)³

1826 года 2 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] генерал-майору Орлову вопросный пункт.

Генерал-майором князем Волконским в 1824 году сделана была печать председателя полевого аудиториата Волкова для того единственного, чтобы сделать вам личное одолжение доставлением вам сведений из дела, врученному ему, князю Волконскому, для доставления начальнику штаба 2-й армии Киселеву, которое заключало в себе окончание представлений об ответных пунктах, истребованных от вас по известному делу.

Высочайше учрежденный Комитет требует вашего на сем же⁴ вопросном пункте показания: когда, чрез кого и какие именно сведения по означенному делу доставил вам князь Волконский, в копиях или в подлиннике? // (л. 39 об.)

Честь имею донести Комитету, что по сему делу ничего совершенно не знаю, что князь Волконский мне никаких бумаг не сообщал и не знаю, по какому предмету он объявил сие Комитету.

Генерал-майор Михаил Орлов I-й⁵ // (л. 40)

1 Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] осьмнадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

2 Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно.

3 Вверху листа помета чернилами: «Читано 21 марта».

4 Слово «же» вписано над строкой.

5 Ответ написан М.Ф.Орловым собственноручно.

№ 13 (9)¹

1826 года 21 марта от присутствия высочайше учрежденного Комитета г[осподину] генерал-майору Орлову вопросный пункт.

Полковник Митьков, между прочим, утвердительно говорит о слышанном от вас, что есть какая-то секта, в которой обвиняли покойного государя императора в нарушении религии и что из числа сей секты ушло несколько человек, а куда — неизвестно ему.

Комитет требует вашего на сем же показания:

- а) каким образом известно вам о существовании означенной секты?
- б) где именно и из каких людей состоит она?
- в) в чем именно заключается сия секта?
- г) в каком нарушении религии она порицала покойного государя?
- д) по какой причине, куда² и кто именно ушел из сей секты?

По приказанию Комитета честь имею довести, что по вопросам, данным мне, не могу ничего донести удовлетворительного, ибо я ничего подобного полковнику // (л. 40 об.) Митькову никогда не говорил и говорить не мог, ибо никакого следа к тому не имел³, совершенно ничего не зная ни о существовании подобной секты, ни о обвинениях в нарушении религии на покойного государя императора, ни о ушедших членах секты. В заключение осмеливаюсь донести Комитету, что показание господина полковника Митькова совершенно ложное и до меня не касается.

Генерал-майор Орлов I-й⁴

P.S. Чем более я о сем показании полковника Митькова рассуждаю, тем менее могу придумать, какие мои слова могли дать ему причину подозревать о существовании таковой секты, мне совершенно неизвестной, и, наконец, утвердительно могу уверить Комитет, что таковая секта не существует иначе, как в воображении господина Митькова.

Генерал-майор Орлов I-й⁴ // (л. 45)

№ 14 (11)

Показания на г[енерал]-м[айора] Орлова,

Во 2 показ[ании] 2 стр[аница]

А.Безстужев: что сей Орлов был главным членом первоначального общ[ества].

На 2 стр[анице] 1 показ[ания]

Свистунов слышал, что Трубецкой писал⁵ Орлову приехать в Петербург немедленно, войска, конечно, будут в неустройстве и нужно воспользоваться первым признаком оног⁶, Орлов принял в Москве в особой комнате Ипполита⁷ Муравьева, рассказавшего ему содержание письма, сожженного Свистуновым, и намерения общества⁸ причем⁹, одобряя, что письмо сожжено Свистуновым, ударил себя по голове, сказав, что даст письмо Раевскому.

Знал ген[ерала] Орлова сочленом. [1]823.

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы карандашом: «Для очной ставки», чернилами: «Читано 23 марта».

² Слово «куда» написано вместо стертого слова.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Показания написаны М.Ф.Орловым собственноручно.

⁵ Слово «писал» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «говорил ему».

⁶ Далее зачеркнуто: «заемное письмо пришлет скоро».

⁷ Слова «в особой комнате Ипполита» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «Николай»

⁸ Слова «рассказалшего ему содержание письма, сожженного Свистуновым, и намерения общества» вписаны вставкой на полях.

⁹ Слово «причем» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «в особую горницу».

Во 2 пок[азании] на обор[оте] 14 стр[аницы]	Рылеев слышал замечание Трубецкого насчет Орлова, Пестеля и Раевских.
Во 2 пок[азании] на 4 стр[анице]	Каховский: центр общ[ества] в Москве у г[енерал]-м[айора] Орлова.
Во 2 пок[азании] 12 пу[нкта]	Вадковский слышал от Граббе замечание о г[енерал]-м[айоре] Орлове и проч[ее].
В 9 пу[нкте] в конце ¹ 2-го показ[ания]	Миткову говорил Орлов, что есть какие-то акты, в которых обвиняют покойного г[осударя] в нарушении религии и проч[ее].
В 13 пу[нкте] 2-го показ[ания]	_____ принадлежит к различным показаниям ² .
Во 2 пок[азании] 2 стр[аница], 14 стр[аница], 18 стр[аница], 23 стр[аница], 10 [страница]	_____ в доме Орлова Митков познакомился с Якушкиным ³ .
Краснокутский на 8-й	Н.Муравьев: был членом управы с принятием в Москве, переговаривался с Пестелем о взаимных пособиях и заступил место старейшины, имел распоряжения в общ[естве]. Муравьев рассказал все обстоятельства о Якубовиче. Был членом Южного общ[ества], и Северным вновь не принят. // (л. 45 об.)
Палицын	Называет его членом.
Поливанов	Что покровительствовал обществу.
Трубецкой — 19	Называет его членом.
— 13	Что писал ему письмо, прося приехать для остановления действий.
На об[ороте] 15	Что г[енерал]-м[айор] Орлов ³ был при съезде членов в Москве в 1823 году.
— 25	Что г[енерал]-м[айор] Орлов после сего съезда вовсе удалился от общества.
Чернышев	Что Орлов удалился вовсе от общества, что Бестужев ему сказывал, что можно ⁴ его противопоставить силе Пестеля, но по ⁵ слабости характера и нерешительности увидели, что он к тому не наклонен.
Пущин	Что слышал от Муханова, что Орлов принадлежит к обществу.
Комаров — 14	Что Орлов в совещании, происходившем у Фон-Визина в 1821 противился предложению разделить общество на 3 разряда: 1-й — незнамых, 2-й — исполнительный и 3-й — нововводимых.
— 17	Орлов прислал после сего письмо, коим отрекался от общества.
Полковник Фон-Визин, 1-я	Называет его членом.
Генер[ал]-м[ай- ор] Фон-Визин — 1	Что был в совещании, бывшем у него в доме в 1821 году.

¹ Слова «в конце» вписаны над строкой.

² Так в подлиннике.

³ Слово «Орлов» вписано над строкой.

⁴ Слова «Бестужев ему сказывал, что можно» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «кажется».

⁵ Слово «по» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «видя его».

На об[ороте]

Что передано им Орлову письмо, писанное Пущиным к Семенову от 11 декабря, заключающее принятное намерение обществом воспользоваться случаем и не присягать для исполнения своей цели. Письмо сие Орловым сожжено. // (л. 46)

Продолжение показаний на г[енерал]-м[айора] Орлова.

Муханов
на 7 стр[анице]

Что видал г[енерал]-м[айора] Орлова в Киеве, но ни слова об обществе не говорили.

Что члены общества Орлова не любили.

Что Орлов имел свое общество, когда Муравьев предложил ему вступить в составленное им, Муравьевым, и после решились друг другу не препятствовать, идя к одной цели, и оказывать себе взаимные пособия.

Что Пущин и Семенов сказывали ему, что Орлов принадлежит к их тайне и разделяет их намерения.

Что Орлов принадлежит к обществу.

А.Муравьев
3 пок[азание]
на обор[оте]
2 стр[аницы]

Штейнгель
1 показ[ание]

Нарышкин
2 пок[азание]
3 пу[нкт]

Якушкин
6 пу[нкт]
— 13

Что Орлов был на одном из совещаний 1821 года, на котором ему предложили вступить в общество, но он отказался.

Что Орлов знал существование общества после сделанного постановления объявить некоторым членам об уничтожении оного.

Что Орлов был член общества¹, но отстал до первого разрушения оного. // (л. 46 об.)

Генерал-майор Орлов сказывал ему об обществе под названием русских рыцарей, коего членом был граф Мамонов.

Подробно описывает содержание письма, посланного к Орлову через Свистунова и некоторые мысли о генер[ал]-м[айоре] Орлове. // (л. 47)

№ 15 (12)

Показания о разговоре Муханова

а) в квартире генерал-майора Орлова

Что с обнародованием высочайшего манифеста пришло известие в Москву о происшествии 14 декабря. В этот день Якушкин поехал к генерал-майору Орлову, чтобы узнать об оном подробнее. При нем приехал туда Муханов, который рассказывал сие происшествие со всеми подробностями и с определением главных лиц, в оном действовавших. По окончании рассказа он прибавил, что ужасно, если они все погибнут, и что он знает человека, который, чтобы помешать сему готов убить «его». Орлов не сказал на сие ни слова, но взял его за ухо и подрал.

Что ему неизвестно, был ли Муханов член или нет, а 19 или 20 числа он зашел к нему на одну только минуту и был в большом отчаянии и, так сказать, исступлении. Муханов² точно сказал, что все те, которые захвачены, погибнут, но прибавил ли // (л. 47 об.) он или нет что-либо дру-

¹ Слово «общества» вписано над строкой.

² Слово «Муханов» вписано над строкой вместо зачеркнутого «Он».

Показ[ание]
Муханова

гое, не помнит. Орлов прервал его речь, сказав: «*Полно, братец, вратъ, чему быть, тому не миновать*». Что же касается до слов его¹, что знает человека, готового посягнуть на жизнь его императорского величества, то сего совершенно не слыхал, и никого более², кроме Якушкина, не было³.

Что прибыв к Орлову и едва войдя в комнату, как он спросил его: «Слышал ли ты что-нибудь о происшествии 14 декабря?» Муханов, видя незнакомого человека, отвечал, что о происшествии сем говорить неблагоразумно по слухам, до получения верных сведений. Орлов, заметя, что он опасается свидетеля, спросил, знает ли он Якушкина, и на слова его, что никогда не видывал, отвечал: «Вот он! При нем можно говорить!» Тогда Муханов рассказал все, что слышал в доме одной родственницы своей. Орлов охуждал неблагоразумие сего дела и вместе с Якушкиным соболезновал о заточенных в крепость, и между разговором, с обеих сторон весьма горячем и выразительном «*Они погибли!* — сказал Муханов, — их ничто не спасет // (л. 48) кроме смерти государя, и многие наши знакомые погибнут вследствие сего происшествия» (намекая на Давыдова, Волконского). «Надобно ждать подробностей, — сказал один из них, — может быть, иные спаслись, увидим, что будет». «Видел ли ты кого-нибудь из членов находящихся здесь, что они говорят?» — спросил Орлов и на ответ его, что нет, спросил: «Неужели ты не знаешь Фон-Визина, Митькова?» Тогда Якушин сказал, что он едет к Митькову и пригласил и его с собою. // (л. 49)

№ 16 (13)

Генерал-майор Орлов

На подлинной до-
кладной записке означена
следующая высочай-
шая резолюция за подписью
барона Дибича:
«Продержав еще месяц
под арестом, и в первом
приказе отставить от
службы с тем, чтобы
впредь никуда не опре-
делять. По окончании
же срока ареста отпра-
вить в деревню, где и
жить безвыездно; мест-
ному начальству иметь
за ним бдительный тай-
ный надзор».

Орлов по примеру Трубецкого намеревался учредить тайное общество для сопротивления лихомству и другим беспорядкам. Между тем, как он занимался составлением устава, Александр Muравьев в 1817 году объявил ему, что подобное общество уже существует и приглашал его вступить в оное; однако он тогда на сие не согласился.

Во время пребывания его в Киеве начальником штаба 4-го корпуса он более, нежели когда-либо, был привержен свободным мыслям, особенно потому, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила в нем и рвение, // (л. 49 об.) и уловение. Сей дух свободомыслия, управляющий всею его перепискою и всеми его речами, поддерживал доверенность общества, которому он, хотя еще и не принадлежал, но уже знал о действиях в оном и переменах.

В 1820 году в проезд Орлова чрез Тульчин, в июле или августе, Фон-Визин, Пестель и Юшневский убедили его вступить в Союз благоденствия, говоря, что, зная все их тайны и имена многих, невеликодушно не разделять их опасности. По вступлении в оное особенного поручения или занятия никакого не получил и во все время способствовал к принятию только одного члена Василия Давыдова. // (л. 50)

¹ Далее зачеркнуто одно слово.

² Слово «более» вписано над строкой вместо зачеркнутого «еще».

³ Слева на полях помета карандашом: «NB. В вопросах Орлову не было помещено то, что он драл за ухо Муханова». Далее текст стерт.

В 1821 году Орлов находился на совещаниях о преобразовании общества; там совершенно от всего отказался, объяви, что более членом быть не хочет. Вскоре он отправился в Киев, куда приехал Бурцов, а потом Охотников, и сообщили ему, что общество разрушилось.

Общество возродилось в 1823 году; Орлову предлагали к оному присоединиться; но как все настояния остались безуспешны, то ему и не открыто никаких тайн. Встречи его с членами сделались редки и то публичные, а, наконец, мало-помалу и совсем прекратились.

Весь 1824 год Орлов был избавлен от их преследований; // (л. 50 об.) но в начале 1825 года Бестужев-Рюмин сказал: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения». Орлов, прервав речь его, отвечал: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы не русские — прощайте!»

Наконец, Орлов излагает причины, по коим он не донес о существовании тайного общества: 1. Он полагал, что правительству должно быть о сем известно. 2. Тайн их он не знал, не предполагал, чтобы они готовились к действию, и был уверен, что при жизни покойного императора они ничего предпринять не могли. 3. С другой стороны, думал, что чад переворотных // (л. 51) их мыслей также рассеется, как и филантропические порывы первого¹ общества. 4. В 1823 году, когда государь осматривал 2-ю армию, он просил через начальника штаба поздравления представиться к государю и, ежели бы удостоился благосклонного приема его императорского величества, то не вытерпел бы известить его о существовании тайного общества. Но, к несчастию, на приезд его соизволения не последовало. 5. После сего ему оставалось только молчать, особенно чувствуя отвращение от доносов и опасаясь, чтобы поступка сего не отнесли к личным выгодам.

Приехавши в Москву около сентября 1825 года, Орлов вел // (л. 51 об.) жизнь уединенную, занимался сочинением, которое намерен был представить правительству и которое докажет, что правила его далеки от всякого мятежнического покушения. В октябре посетил его Никита Муравьев, который сообщил ему о намерении Якубовича посягнуть на жизнь покойного императора. 17 декабря приезжал к нему вечером Михаил Фон-Визин и привозил письмо Пущина от 12 декабря, которое велено показать Орлову и которое, пробежав, он тотчас скрыл. Оно содержало извещение о том, что предпринимают, а не приглашение к содействию. 19 или 20-го поутру вдруг явился к Орлову Ипполит Муравьев и сказал, // (л. 52), что он привозил письмо от Трубецкого, который приглашал его в С[анкт]-Петербург; но письмо Муравьевым разорвано и сожжено. Орлов заключает, что письма сии или писаны наобум, то есть, приедет — хорошо, а не приедет — и без него обойдется, или с намерением отомстить ему за то, что он в течение 4 лет совершенно от них удалился.

Признание Орлова подтверждается показаниями, о нем сделанными. Трубецкой же насчет письма его к Орлову говорит, что решился вызывать его в С[анкт]-Петербург в том предположении, что образ мыслей его, столь гласный прежде, не изменился, почему, хотя он теперь ни во что // (л. 52 об.) не вмешивается и от всех обществ отстал, однако в случае надобности на него надеяться можно.

Против показания Якушкина, что штабс-капитан Муханов говорил в Москве у генерал-майора Орлова после происшествия 14 декабря, что взятых под арест возмутителей ничто не спасет, кроме смерти государя, и что он знает человека, который готов убить его; причем Орлов подрал его, Муханова, за ухо; Орлов отвечал, что Муханов 19 или 20 декабря действительно заезжал к нему и был в большом отчаянии и, так сказать, исступлении. Он точно сказал, что все те, которые взяты, погибнут, но прибавил ли // (л. 53), что другое, не помнит. Орлов же, прервав речь Муханова, сказал ему: «Полно, братец, вратъ, чему быть, того не миновать»; и в ту минуту вышел из комнаты по вызову его человека. Что касается до слов Муханова, будто он знает человека, готового посягнуть на жизнь императора, то сего совершенно не слыхал. Муханов также не сознался, чтобы говорил сие; а Якушкин пояснил, наконец, что Муханов в словах был весьма не-воздержан.

¹ Слово «первого» вписано над строкой.

Справка из доклада аудиториатского департамента о бывшем командире 16-й пехотной дивизии генерал-майоре Орлове I-м

Аудиториатский департамент находит виновным генерал-майора Орлова I-го в том, что он, не удостоверясь в поведении майора Раевского, поручил ему в управление юнкерскую школу, потом, // (л. 53 об.) заметив в нем пылкие выражения и услышав о поступках Раевского во время командования им в полку ротою, не удалил его от юнкеров и, не приступя к секретному о том исследованию, оставил его по-прежнему начальником школы, при коей находясь, он до самого ареста внушал юнкерам вредные правила; сверх того он, Орлов, приказами по дивизии объявляя покровительство свое нижним чинам противу частных начальников их, велел читать сии приказы в ротах, чем ослаблена не только власть тех начальников, но и самая воинская дисциплина. А как по сему же поводу произошли все неустройства в 16-й дивизии // (л. 54) и даже сделан нижними чинами Камчатского пехотного полка весьма нетерпимый буйственный поступок, коим Орлов при инспекторском смотре осмелился объявить прощение, не имея на сие права, то аудиториатский департамент полагает: отставя его, Орлова, от службы, впредь никуда не определять и не позволять ему выезжать из того места, где изберет жительство.

Содержится в крепости с 28 декабря.

Верно: надворный советник Ивановский // (л. 55)

№ 17 (14)

3 января 1827¹

Флигель-адъютант полковник Адлерберг, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Адаму Ивановичу, покорнейше просит уведомить, в какой губернии находится деревня, в которой назначено местопребывание отставленному от службы генерал-майору Михайле Орлову по высочайшему повелению, объявленному г[осподином] военным министром г[осподину] дежурному генералу в отношении от 16 июня прошлого года № 817.

Верно: 8 класса Карасевский // (л. 56)

№ 18 (15)²

Правитель канцелярии дежурного генерала Главного штаба его императорского величества имеет честь уведомить флигель-адъютанта господина полковника Адлерберга на записку его от 3-го сего месяца, что вследствие высочайшей воли, последовавшей насчет генерал-майора Михайлы Орлова, избрал он местопребывание в имении своем Калужской губернии Масальского уезда в селе Милятине с тем, что, если увидит, что здоровье жены или детей его может повредиться по неудобству тамошнего климата, то намерен переменить свое местопребывание. Посему 27 июля прошедшего года писано к нему по // (л. 56 об.) высочайшему повелению от дежурного генерала, чтоб в случае перемены им, Орловым, местопребывания своего, доносил он прямо г[осподину] начальнику Главного штаба его величества.

Правитель канцелярии Наинский

4 января 1827³

1 Дата написана слева на полях.

2 Вверху листа помета чернилами: «Секретно», внизу листа: «№ 7-й».

3 Дата написана внизу листа 56.

О следственном деле М.Ф.Орлова

Имя видного члена Союза благоденствия генерал-майора Михаила Федоровича Орлова прозвучало на первом заседании Следственного комитета 17 декабря 1825 г. при чтении доклада И.И.Дибича от 4 декабря того же года «О существовании и распространении в войске зловредного общества и принятых первоначальных мерах к открытию их замыслов». Дибич со ссылкой на сообщение И.О.Витта указывал, что в числе членов тайного общества состоит М.Ф.Орлов⁸. Комитет предложил Николаю I арестовать Орлова и «привезть сюда под присмотром». 18 декабря была получена царская резолюция: «Взять под арест, оставя покуда в Москве»⁹. 19 декабря последовал приказ московскому

¹ Минувшие годы. 1908. № 10. С. 93—94.

² Русская старина. 1889. № 7. С. 118.

³ Декабристы. Биографический справочник. С. 244.

⁴ Там же. С. 304; Минувшие годы. 1908. № 10. С. 94.

⁵ ГАРФ. Ф. 48. Д. 43. Л. 12.

⁶ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб, 1903. С. 448.

⁷ Каторга и ссылка. 1926. № 2(23). С. 129—132.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 27; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I. С. 238.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 27—28.

военному генерал-губернатору: М.Ф.Орлова арестовать «и содержать, не допуская никакого иметь с ним ни малейшего сношения». Бумаги Орлова приказано было привезти Николаю I «в собственные руки»¹. 21 декабря в 7 часов вечера Орлов был арестован в Москве (док. № 3/0) и вскоре отправлен в Петербург. «Я жду Михаила Орлова и Лопухина, — писал 23 декабря Николай Константину, — которые уже должны быть арестованы»². 28 декабря Орлов был доставлен к Николаю I и после допроса помещен в Петропавловскую крепость в «арестантский покой № 12» Алексеевского равелина согласно приказу царя: «Присылаемого при сем генерал-майора Орлова посадить в Алексеевский равелин, выведя Горского или кого другого и содержа хорошо»³. 29 декабря последовало царское разрешение на первое свидание М.Орлова с братом Алексеем⁴. Затем эти встречи стали регулярными. 30 декабря Николай вновь писал коменданту Петропавловской крепости: «Генерал-майору Орлову дать видеться с братом Алексеем и перевести на офицерскую квартиру, дав свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочет, но не выходя из крепости»⁵. В тот же день после свидания с братом Орлова перевели в «офицерскую» плац-адъютантскую квартиру у Петровских ворот Петропавловской крепости, где он содержался до конца следствия⁶. Взятые при аресте Орлова его бумаги, после рассмотрения 31 декабря в Комитете (в них «ничего, относящегося к делу не оказалось»), были в январе 1826 г. отданы Алексею Орлову⁷. Впоследствии М.Орлову было разрешено писать родным⁸.

Следственное дело М.Ф.Орлова заметно выделяется среди других личных дел декабристов. Это объясняется исключительной ролью Орлова в тайном обществе, а также особенностями расследования о нем в Комитете. Выписка из показаний членов тайного общества об Орлове (док. № 14/11) далеко не полна, но и она дает представление о том обилии материала, касавшегося Орлова, который отложился у следователей. Вместе с тем эти сведения как бы «оторваны» от самого следственного дела. Оно в основном состоит из писем Орлова Николаю I и отдельных его показаний. В Комитет Орлов не вызывался, вопросов получал крайне мало. Следы расследования его участия в тайном обществе остались разбросанными в делах других декабристов.

Первые свои показания Орлов дал, находясь еще под арестом в Москве, 22 декабря 1825 г. В письме к Николаю I он оправдывался и доказывал свою непричастность к любым тайным обществам (док. № 3/0). Одновременно Орлов обратился к московскому генерал-губернатору Д.В.Голицыну, прося его переправить письмо царю и ходатайствовать перед Николаем за него⁹. Голицын выполнил его просьбу¹⁰. «Объяснение» Орлова зачитали в Комитете 26 декабря и постановили «иметь в виду при допросах»¹¹.

К 28 декабря — дню доставки Орлова в Петербург Комитетом были получены первые показания членов тайных обществ, касавшиеся этого видного участника движения. 18 декабря его имя прозвучало в ответах П.Г.Каховского, который считал, что один из центров общества находится в Москве у Орлова. При выяснении этого вопроса на заседании Комитета 25 декабря Каховский сослался на слова К.Ф.Рылеева¹². 23 декабря С.П.Трубецкой и П.Н.Свистунов одновременно сообщили о важном факте, который в дальнейшем стал одним из пунктов обвинения Орлова. Речь шла о письме Трубецкого к Орлову от 13 декабря 1825 г., отправленного со Свистуновым. Трубецкой, по словам Свистунова, извещал Орлова о готовящемся восстании и просил, чтобы он ускорил «своим приездом». Сам же Трубецкой показывал, что послал письмо Орлову с просьбой приехать, «чтоб остановить» подготовку восстания. Письмо до Орлова не дошло, оно

1 ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 62.

2 Междусицствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.—Л., 1926. С. 168.

3 Там же. С. 169; ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 64; Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 270.

4 Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 270.

5 Там же.

6 ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 65, 66; Д. 28. Л. 78, 95.

7 ВД. Т. XVI. С. 48; ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 67 об.; Д. 293. Л. 3.

8 ВД. Т. XIV. С. 113.

9 Красный архив. 1925. № 6/13. С. 151—155.

10 Там же. С. 155.

11 ВД. Т. XVI. С. 36.

12 ВД. Т. I. С. 340, 342.

было уничтожено Свистуновым в Москве при получении известия о поражении восстания. Однако Орлову содержание документа было тотчас передано устно и он одобрил уничтожение документа¹. Получив эти сведения, Комитет потребовал подробностей от Трубецкого 25 декабря и от Свистунова 29 декабря. Свистунов по требованию Комитета полностью изложил содержание письма к Орлову, он также отметил, что слышал об участии Орлова в тайном обществе. Трубецкой же к своим ответам от 25 декабря присовокупил сведения, полученные им от С.Г. Волконского. По словам последнего, Орлов лишь внешне отошел от тайного общества, но образ мыслей его «насчет превосходства конституционного правления и желание его, чтоб оно было когда-либо введено, не переменились»². 24 декабря при допросе Рылеева стало известно, что он предполагал использовать авторитет Орлова против влияния Пестеля во 2-й армии. Имелось также показание А.А. Бестужева об участии Орлова в ранних тайных обществах³. В пространном показании Комарова от 27 декабря сообщалось о выходе Орлова после 1821 г. из тайного общества⁴.

Допрос Орлова Николаем I, состоявшийся, как отмечалось выше, 28 декабря в день приезда Орлова в столицу, показателен для начала следствия по делу декабристов. В это время царь как никогда использовал присущие ему лицемерие и актерские способности, стремясь добиться максимум сведений о тайном обществе. Однако попытка царя «дружеским» обращением с Орловым как со «старым товарищем» получить сведения о тайной организации не увенчалась успехом. «Он слушал меня с язвительной улыбкой, — вспоминал Николай, — как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал и потому к нему принадлежать не мог... Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать как из снисхождения»⁵. Поведение Орлова крайне задело царя, он требовал назвать имена членов тайного общества. Однако, как писал Орлов в следующем послании, в нем «проснулся невольный ужас перед подобным доносительством» (док. № 4/0). Допрос продолжался более двух часов⁶ и кончился безрезультатно. «Главная ошибка Михаила, — писал из Петербурга А.Н. Раевский сестре Е.Н. Орловой, — та, что он нехорошо вел себя с императором, не отвечал как следовало на его дружеские увертюры; он оскорбил его лично»⁷. Можно согласиться с современным исследователем, отметившим, что в позднейших записках царя присутствовала личная неприязнь к Орлову, сохранившаяся с 1825 г. Николай I не простил ему своего поражения на следствии⁸.

29 декабря после встречи с братом М. Орлов направил Николаю I два послания. В первом — небольшом — он извинялся за свое поведение при допросе и просил новой встречи с царем без свидетелей (док. № 4/0). Второе письмо — это пространная записка с изложением истории тайного общества. От брата Алексея Орлов узнал о первых материалах против него, поступивших в Комитет. Поэтому Орлову пришлось постепенно отказаться от прежней тактики полного отрицания и коснуться ряда сторон истории тайного общества и своего в нем участия. Он крайне осторожно писал о Союзе благоденствия и последующих тайных обществах, полностью скрыл их программы и главные факты истории. Из имен членов тайного общества он упомянул только несколько, подчеркнув свою слабую осведомленность. Тем не менее Орлов был вынужден признать свое участие в Союзе благоденствия, из которого он вышел, по его словам, в 1821 г. в Москве. Однако о Московском съезде 1821 г. и своих предложениях он полностью умолчал. Орлов отметил, что его несколько раз приглашали вступить в тайные общества, созданные после 1821 г., но он отвечал отказом.

В заключении записи Орлову пришлось коснуться также щекотливых вопросов о письмах Трубецкого и Пущина о готовящемся восстании, направленных к московским членам и в том числе к нему, Орлову. Это были крайне опасные для Орлова факты,

1 ВД. Т. I. С. 16, 19; Т. XIV. С. 332—334.

2 ВД. Т. I. С. 39—41; Т. XIV. С. 338—340.

3 ВД. Т. I. С. 164, 431.

4 Наст. том. Д. 213 (Н.И. Комарова). Док. № 2/1.

5 Междуцарствие... С. 34; См. также: Гершензон М.О. История молодой России. М.—Пг., 1923. С. 57.

6 К истории восстания 14 декабря 1825 г. Из дневника флигель-адъютанта Н.Д. Дурново // Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. III. М., 1939. С. 17.

7 Гершензон М.О. Указ. соч. С. 58.

8 Боровой С.Я. М.Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 299.

показывавшие степень его близости с членами тайного общества. Письма также свидетельствовали о надеждах членов Северного общества на участие Орлова в выступлении. Комитет к этому времени, как показано выше, имел сведения лишь о письме Трубецкого; но Алексей Орлов, информировав брата о степени осведомленности следователей, вероятно, точно не знал все подробности. Поэтому М.Ф.Орлов первым среди арестованных декабристов дал показания и о письме Пушкина, кратко изложив его основное содержание и отметив, что письмо было им сожжено (док. № 5/1).

При чтении записки Орлова в заседании 30 декабря Комитет отреагировал резко отрицательно: «как в объяснении сем не видно ни признательности, ни чистосердечия и объяснения его неудовлетворительны и запутаны противоречиями, его обвиняющими, то испросить высочайшего его императорского величества соизволения, дабы запрещены были всякие сношения с генерал-майором Орловым»¹. На следующий день поступила резолюция Николая: «Кроме с братом его Алексеем» (док. № 6/2)². Тогда же царь поручил А.Х.Бенкendorфу снять допрос с Орлова и разрешил это «сделать единовременно»³. Вероятно, именно Бенкendorф доставил обратно Орлову его записку от 29 декабря, неудовлетворившую Комитет, с вопросами на полях.

В последующие дни Орлов готовил новую более пространную записку, а прежнюю 2 января отоспал в Комитет (док. № 7/3)⁴. 4 января вторая записка была закончена. В ней получили развитие основные положения, содержащиеся в первом оправдательном документе Орлова. Впервые он сообщил, что способствовал принятию в общество В.Л.Давыдова, а также признался в своих контактах с М.П.Бестужевым-Рюминым в 1825 г. по вопросу отношений с польским тайным обществом. В заключении записи Орлов ответил на ряд вопросов, которые особенно интересовали следователей и были, по-видимому, четко сформулированы Бенкendorфом при посещении заключенного (в деле имеются лишь тексты вопросов, написанные рукой Орлова перед каждым ответом). Вопросы касались связей членов тайных обществ с иностранными подобными организациями, «иностранными посланными», а также с «важными лицами Российского государства». На эти вопросы Орлов дал уклончивые ответы, стремясь показать свою неосведомленность. В целом вторая записка, хотя и отличалась пространностью, многословными обещаниями полной откровенности, но почти не содержала новых сведений по сравнению с первой (док. № 8/4). Комитет вновь нашел показание Орлова «не полным и не удовлетворительным» и распорядился потребовать от него дополнений «по сделанным в присутствии замечаниям»⁵.

В дальнейшем следствие по делу Орлова шло в основном по следующим направлениям:

1. Продолжали выясняться обстоятельства, связанные с письмами Пушкина и Трубецкого, что являлось элементом общего дознания о деятельности Орлова в Москве после 14 декабря 1825 г.

2. К этому же кругу вопросов относилось расследование об осведомленности Орлова о планах цареубийства П.А.Муханова и о встречах его с Мухановым в декабре 1825 г.

3. Среди проектов покушения на жизнь членов царствующей семьи, что, как известно, особенно привлекало внимание следователей, выяснялся вопрос, знал ли Орлов о плане цареубийства А.И.Якубовича 1825 г.

4. Велось дознание о замыслах братьев Поджио, В.Н.Лихарева и В.Л.Давыдова осуществить цареубийство в декабре 1825 г. и привлечь к своим замыслам Орлова, поручив ему командование гвардией.

8 января 1826 г. Никита Муравьев, делая «Историческое обозрение хода общества», признался, что в 1825 г. ознакомил Орлова с намерением Якубовича убить Александра I. На следующий день Орлов получил запрос Комитета и 10 января представил два показания, в которых пытался объяснить, почему он не сообщил властям о готовящемся покушении (док. № 9/5, 10/6). Николай I, информируя 11 января Константина о намерении Якубовича, подчеркнул: «И Орлов это знал!»⁶

¹ ВД. Т. XVI. С. 42.

² ВД. Т. XVI. С. 43.

³ Щеголов П.Е. Указ. соч. С. 270.

⁴ Сопроводительное письмо при возвращаемой записке Орлов адресовал не Левашову (как указано в публикации П.Попова — «Красный архив». 1925. № 6/13. С. 168), а Бенкendorфа. Это следует из приводимых выше материалов, свидетельствующих о том, что связь с Орловым Комитет поддерживал через Бенкendorфа.

⁵ ВД. Т. XVI. С. 53 (заседание 9 января 1826 г.).

⁶ Междуцарствие... С. 180.

12 января Комитет направил Орлову серию вопросов об «Ордене русских рыцарей». О существовании организации под таким названием следователи узнали из показаний Пестеля от начала января 1826 г., где он сообщил, что слышал об указанном тайном обществе от Орлова¹. Последний, отвечая на вопросы Комитета, стремился убедить следователей, что подобного общества не существовало, а лишь был план его создания (док. № 11/7). При чтении показаний Орлова Комитет 13 января постановил: «Иметь в виду, не откроется ли... каких-либо дальнейших пояснений»². Спрошенный в тот же день Пестель подтвердил, со ссылкой на слова Орлова, свое прежнее показание об «Ордене русских рыцарей» и указал, что существовала «печатная книжечка об обществе», которую он сам не читал³. Впоследствии — 6 февраля 1826 г. — С.И.Муравьев-Апостол твердо указал на Орлова как на основателя тайного общества, возникшего почти одновременно с Союзом спасения, имея в виду, без сомнения, «Орден русских рыцарей»⁴. Аналогичный ответ дал А.Н.Муравьев⁵.

Большое внимание уделяли следователи выяснению деятельности Орлова в Москве после получения там известия о восстании 14 декабря. Узнав в конце декабря от Орлова о письме Пущина к московским членам, Комитет продолжал расследовать подробности, связанные с этим документом. Из показаний М.А.Фонвизина от 12 января 1826 г., а также М.М.Нарышкина и М.Ф.Митькова от 21 и 24 января выяснилось, что письмо было адресовано С.М.Семенову. Фонвизин также указал, что Семенов просил его показать письмо Орлову, который после прочтения его уничтожил⁶. На основании этих показаний Фонвизин вновь был спрошен в конце января о содержании письма; тогда же ему был задан вопрос: «С каким намерением вы передали его [письмо] Орлову, какого был о том мнений сей последний и где девалось это письмо?» Фонвизин вновь кратко ответил, что письмо после прочтения было сожжено Орловым и разговоров с ним по содержанию документа не было⁷. Показание И.И.Пущина от 14 марта о письме сведений, касавшихся Орлова, не содержало⁸. Последним по письму Пущина был спрошен 2 апреля С.М.Семенов. Следователей интересовал тот же вопрос: «По какому поводу и с каким намерением вы отдали оное для доставления генерал-майору Орлову?» В ответе Семенов подчеркнул, что письмо хотели показать Орлову как человеку «принимавшему участие в делах общества»⁹. Это свидетельство могло стать в руках следователей сильным аргументом против позиции Орлова.

15 февраля Комитет допросил Трубецкого о его письме к Орлову. Следователей интересовали вопросы, почему Трубецкой сделал именно Орлову «столь опасное предложение» приехать в Петербург к моменту восстания, почему он был уверен в согласии Орлова, на чем основывал свою уверенность в большой власти Орлова и его способности повлиять на ход восстания. Трубецкой дал весьма знаменательные показания. Он, по его словам полагал, что Орлов «по каким-нибудь причинам только притаился, но образа мыслей своего не переменил». Трубецкой «приметил» также расположение к Орлову в «главных членах общества, ибо Пущин очень настаивал, чтобы к нему написать и Рылеев изъявлял желание»¹⁰.

В феврале началось расследование плана цареубийства Муханова, предложенного им в декабре 1825 г. Из показаний Митькова (4 февраля) и И.Д.Якушкина (24 февраля) выяснилось, что в декабре 1825 г. Муханов дважды вызывался убить Николая I для спасения арестованных петербургских членов. Происходило это первый раз на квартире Орлова и в его присутствии¹¹. Как показывал Якушкин, Орлов, в ответ на предложение Муханова якобы молча «взял его за ухо и подрал» (док. № 15/12)¹². Таким образом Якушкин в показаниях сознательно приписал Орлову осуждение пред-

1 ВД. Т. IV. С. 83.

2 ВД. Т. XVI. С. 59.

3 ВД. Т. IV. С. 98, 118.

4 ВД. Т. IV. С. 273.

5 ВД. Т. III. С. 13, 16.

6 ВД. Т. XIV. С. 408; Т. III. С. 64, 200.

7 ВД. Т. III. С. 70, 75.

8 ВД. Т. II. С. 217.

9 ВД. Т. XVIII. С. 184, 191.

10 ВД. Т. I. С. 56, 59.

11 ВД. Т. III. С. 148, 152.

12 В действительности Орлов выразил одобрение плану Муханова. «Услышав этот вызов, — вспоминал Якушкин впоследствии, — М.Орлов взял его за ухо и поцеловал за такое намерение в лоб» (Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 131, 147—148).

ложении Муханова, чему, как показывают материалы следствия, Комитет поверил или сделал вид, что поверил. 2 и 3 марта были допрошены основные участники разговоров, состоявшихся 19 декабря 1825 г. у Орлова и Митькова. Получил вопросы 2 марта и Орлов. Он отказался подтвердить, что был участником разговора о цареубийстве, сославшись на плохую память (док. № 15/12)¹. Муханов был непосредственно спрошен: «По какому поводу вы сделали генерал-майору Орлову столь опасное предложение и на чем основана была уверенность ваша, что он не изменит доверенности вашей?»² Пространный ответ Муханова не давал материала против Орлова, он подчеркивал случайный характер разговора, его повышенную эмоциональность. Муханов отметил лишь, что Орлов вместе с Якушкиным «соболезновал о заточенных в крепость» (док. № 15/12). «Если даже я имел предполагаемую мысль, — показывал Муханов, — то какое содействие мог я ожидать от Орлова без службы, без солдат, без связи и в гонении»³. Комитет расследовал проект покушения Муханова длительное время, и 2 апреля при допросе Муханов вновь был спрошен об участии в разговоре Орлова. Он повторил, что «ни генерал Орлов, ни господин Якушкин ничего возмутительного и противозаконного не говорили»⁴.

Другим объектом расследования, связанного с именем Орлова, стал один из тех проектов выступления, которые стихийно возникали среди членов тайного общества в декабре 1825 г. 10 февраля 1826 г. И.В.Поджио впервые рассказал о разговоре, состоявшемся между ним, его братом Александром, Лихаревым и Давыдовым при получении известия об аресте Пестеля. Речь шла о предложенном А.В.Поджио плане покушения на царя. Обязательным условием успеха А.Поджио считал участие М.Орлова и принятие им в командование гвардии⁵. Допрошенные 16 февраля остальные участники разговора подтвердили показание И.Поджио⁶. Его брат Александр присовокупил, что предложил Орлова, «знав родство и связи его дружественные со многими из членов и прежние его сношения с благородствием»⁷. Отметим, что эти сведения, весьма красноречиво свидетельствующие о сохранении авторитета Орлова в тайном обществе, совершенно не отражены в его следственном деле; они не вошли ни в свод показаний о нем, ни в записку А.Д.Боровкова.

В те же февральские дни Комитет получил некоторые новые сведения, относившиеся к Орлову. Стало известно, что в 1824 г. С.Г.Волконским была сделана печать для вскрытия бумаг, касавшихся исхода дела Орлова после отстранения его от командования 16-й дивизией⁸. Волконский «сознался, — зафиксировано в журналах заседаний Следственного комитета от 18 февраля, — что сделал себе фальшивую печать генерал-аудитора 2-й армии с тем, чтобы мог, распечатывая посыпаемые от него бумаги, услужить генерал-майору Михаиле Орлову уведомлением о ходе дела его». Комитет принял решение «спросить самого Орлова»⁹. Тот в ответе на присланный ему 2 марта вопрос «объявил, что князь Сергей Волконский никогда ему никаких сведений не сообщал»¹⁰ (док. № 12/8). Однако 9 марта Волконский признался, что о результатах вскрытия одного документа он сообщил Орлову. Тот, как показывал Волконский, «был даже недоволен, что я в виде оказать ему услугу решился на такое дело»¹¹.

Действия Орлова в период командования им 16-й дивизии также интересовали следователей, так как Комитету было ясно, что «все сии дела [события 1822 г. в 16-й дивизии] имеют связь с существовавшим во 2-й армии секретным обществом»¹². Представленный от аудиториатского департамента Главного штаба на царскую конфирмацию доклад об Орлове был в январе 1826 г. направлен в Комитет и принят им во внимание¹³. В связи с этим А.Г.Непенин — командир 32-го егерского полка 16-й дивизии

¹ ВД. Т. XVI. С. 119. Ответы Орлова на вопросы от 2 марта 1826 г. см. в следственном деле П.А.Муханова (ВД. Т. III. С. 155—156).

² ВД. Т. III. С. 156.

³ ВД. Т. III. С. 157—159.

⁴ ВД. Т. III. С. 167.

⁵ ВД. Т. XII. С. 172.

⁶ ВД. Т. XX. С. 208, 211; Т. XI. С. 56, 60; Т. XII. С. 93, 95.

⁷ ВД. Т. XI. С. 60.

⁸ ВД. Т. X. С. 144; Т. XII. С. 177.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 106.

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 119.

¹¹ ВД. Т. X. С. 151.

¹² ГАРФ. Ф. 48. Д. 272. Л. 1 об.

¹³ Там же.

и В.Ф.Раевский — майор того же полка получили 2 февраля вопросы о деятельности Орлова. «Во время нахождения вашего в 16-й дивизии, которую командовал генерал-майор Орлов (известный член тайного общества), — спрашивали Непенина, — какие именно заметили вы действия его (в духе общества), служившие поводом к ослаблению военной дисциплины в нижних чинах и к другим беспорядкам?» Ответ Непенина мало мог удовлетворить Комитет, ибо он дал лишь скучные показания о том, что было хорошо известно — запрещении Орлова «солдат наказывать, палками особенно...»¹ Запрос Комитета Раевскому о действиях Орлова в духе тайного общества был связан с вопросом о пропагандистской деятельности самого Раевского в юнкерской школе 16-й дивизии. Раевский, не признававший себя виновным в течение всего следствия по его делу, не дал положительного ответа, подчеркнув, что он «ни от кого не получал наставлений о распространении вольных мыслей между юнкерами»².

Одним из второстепенных моментов следствия по делу Орлова было выяснение вопроса о существовании секты, обвинявшей Александра I в нарушении религии. Сообщивший об этом 24 января 1826 г. Митьков сослался на слова Орлова, он же подтвердил свое показание 25 апреля, указав подробности разговора на эту тему между ним и Орловым³. Орлов 21 марта категорически отказался подтвердить показание Митькова. Он заявил, что «ничего подобного никогда не говорил и что такая секта существует только в воображении [господина] Митькова»⁴. Отолоски следствия по этому вопросу имеются также в деле И.И.Пущина⁵ (док. № 13/9).

Многочисленные упоминания об Орлове в делах других членов тайных обществ сведены в традиционную для следственных дел декабристов выписку или свод из показаний, которая, как отмечалось выше, не отличается полнотой (док. № 14/11).

Исход дела М.Ф.Орлова целиком определялся заступничеством его брата А.Ф.Орлова, близкого советника Николая I, активного участника подавления восстания 14 декабря. Следы его влияния на следствие по делу М.Ф.Орлова очевидны: содержание Орлова в лучших по сравнению с другими заключенными условиях, разрешение встреч с братом и другими родственниками, позволение Орлову вести переписку с родными, отсутствие вызовов Орлова в Следственный комитет, очных ставок с подследственными декабристами. А.Орлов информировал брата о ходе следствия, иногда ему, по-видимому, удавалось даже изменять в лучшую для брата сторону показания членов тайного общества⁶. Несмотря на ненависть Николая I к Михаилу Орлову, Алексей неоднократно обращался к нему с просьбами о смягчении участия брата. 6 июня 1826 г. он письменно просил об этом царя⁷, но решил, вероятно, судьбу декабриста разговор, состоявшийся между А.Орловым и Николаем, когда они направлялись в церковь⁸. Донесение Следственной комиссии было в целом благоприятно для Орлова.

15 июня 1826 г. последовало «высочайшее повеление» в виде резолюции на докладной записке о М.Орлове: «Продержав еще месяц под арестом, и в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуды не определять. По окончании же срока ареста отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный надзор»⁹ (док. № 16/13). В записку о М.Орлове вошла также справка из доклада о нем аудиториатского департамента в связи с «неустройствами в 16-й дивизии». 16 июня был дан приказ об отставке Орлова. На следующий день зачитывалась резолюция Николая I на докладной записке о М.Орлове¹⁰. Это был последний день заседаний Следственной комиссии (комитета).

Распоряжение Николая I о месячном аресте Орлова было им же отменено. Так, уже 16 июня Орлов с фельдъегерем был вывезен из Петропавловской крепости¹¹. После кратковременного пребывания в Москве Орлов в июле того же года выехал с семьей в свое имение с. Милятино Масальского уезда Калужской губернии, где находился под

1 Наст. том. Д. 96 (А.Г.Непенина). Док. № 5/4, 6/5.

2 Наст. том. Д. 149 (В.Ф.Раевского). Док. № 8/8, 9/9.

3 ВД. Т. III. С. 201, 205, 208.

4 ВД. Т. XVI. С. 140.

5 ВД. Т. II. С. 223, 227.

6 Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 148; Волконская М.Н. Записки. Л., 1924. С. 36; Гершензон М.О. Указ. соч. С. 58—61, 71—73.

7 ГАРФ. Ф. 48. Д. 463. Л. 85—86.

8 Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 103.

9 ГАРФ. Ф. 48. Д. 40. Л. 4—10.

10 ВД. Т. XVI. С. 221.

11 Декабристы. Биографический справочник. С. 135—136.

тайным надзором¹. Местному гражданскому губернатору приказано было ежемесячно доносить о поведении Орлова². Впоследствии, 12 мая 1831 г. Орлов получил разрешение переехать в Москву, где также находился под секретным наблюдением.

Относительно «мягкое» наказание, понесенное Орловым, вызвало недоумение вел. кн. Константина. 14 июня 1826 г. он писал Николаю: «Одно меня удивляет... — это поведение Орлова и то, что он как-то вышел сух из воды и остался непреданным суду»³. Тот же Константин спустя несколько месяцев, на коронации Николая I в Москве заявил А.Ф.Орлову: «А жаль, что твоего брата не повесили!»⁴

Помимо указанных выше документов в следственное дело М.Ф.Орлова входят: его послужной список (док. № 2/10) и переписка 1827 г. между В.Ф.Адлербергом и канцелярией дежурного генерала Главного штаба о местопребывании Орлова (док. № 17/14, 18/15).

Следственное дело М.Ф.Орлова в своей значительной части издавалось ранее⁵. Документы № 1, 2/10, 12/8, 13/9, 14/11 публикуются впервые. Следует отметить, что документы № 4/0, 5/1, 7/3 публиковались ранее не в оригинале, а в весьма несовершенном переводе с французского языка. В настоящем издании перевод тщательно выверен.

Следственное дело М.Ф.Орлова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 83. По современной нумерации в деле 58 листов, заполненных текстом. Сохранилась также нумерация чиновника Следственного комитета А.И.Карасевского, сделанная при формировании дела. Он учел 55 листов. Листы документов № 1, 3/0, 4/0 не были им пронумерованы.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания М.Ф.Орлова по разным вопросам, не вошедшие в состав дела № 83.

1. Дело № 200 (А.М.Исленьева), л. 6—6 об. (показание от 24 января 1826 г.).
2. Дело № 191 (И.П.Липранди), л. 2 (показание от 12 февраля 1826 г.).
3. Дело № 356 (П.А.Муханова), л. 30 об. — 31 (показание от 2 марта 1826 г.); см.: Восстание декабристов. Т. III. М.—Л., 1927. С. 155—156.
4. Дело № 303, л. 131 (показание от апреля 1826 г.).
5. Дело № 5 «О совещании Коренной думы в 1820 году и о членах Коренного совета Союза благоденствия», л. 27 (показание от 11 мая 1826 г.); см.: Наст. том. С. 31.
6. Дело № 106 (П.Х.Граббе), л. 6 (показание без даты); см.: Наст. том. С. 233.